

*ЗАМЫКАНИЕ
ВРЕМЕНИ*

ВАСИЛИЙ
БЕТАКИ

Василий БЕТАКИ

ЗАМЫКАНИЕ ВРЕМЕНИ

стихи разных лет

*Я — не первый воин, не последний
Долго будет Родина больна.*

(А. Блок)

EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris 5^e

© Copyright by Author. Paris 1974

Когда я в рукописи прочел эти стихотворения Василия Бетаки, первое, что меня поразило, была та простая мысль, что ведь все они, или почти все были написаны в России. В нынешней России, где такая скука, такая монолитная скука разлита по всему печатаемому там, в прозе и стихах. А когда появится на свет что-нибудь живое, можно быть уверенным, что случилось это по недосмотру, а также, что книжка эта исчезнет через два-три дня, разойдется по рукам, и что автору ее будет сделан в печати или в полицейском участке (точное название его неважно) строгий выговор. Правда, существует у нас в стране проза, существуют и стихи, размножаемые в обход полиции и без помощи типографского станка. Но из всего этого попадает на Запад большей частью лишь то, что заведомо и нарочито политично. Стихи нелегальные, но которые были бы вполне легальны лишь при чуточку меньшей тупости властей, доходят до нас редко; и с того времени, как появился за пределами боязливости нашего отечества первый сборник Бродского, мне столь высокого качества стихи, как те, которыми изобилует «Замыкание времени», ни разу не попадались на глаза.

Оставим, однако, все эти соображения насчет «где» и «когда», что не по нашей вине во всяческих русских делах неизменно просятся на бумагу, и попросту прочтем эти стихи, будем судить о них как о стихах. В конце концов, мы не знаем, что пишут, мы знаем только, что печатают в нашей безымянной и обездоленной стране. Может быть и здравствуют ныне там, в большом концлагере всей страны или в малых (по сравнению с ней) целые дюжины поэтов,

не худших, чем Василий Бетаки; но предположение это кажется мне лишенным основания, потому что и полудюжниками зараз такие поэты, как он, не рождаются вообще нигде. Он именно поэт недюжинный. Читая его, чувствуешь своеобразие не одного лишь смыслового и звукового строя его стихов, но и своеобразие душевного и духовного строя самой его личности, которым то первое своеобразие и оправдано и предопределено. У него есть непосредственность и свежесть — та же самая свежесть — как восприятия мира, так и высказывания воспринятого. Конечно, не всё в его сборнике одинаково хорошо, но я хотел бы, чтобы мне указали сборник, о котором нельзя было бы сказать того же самого. Даже «Сумерки» Баратынского, самая сногшибательная книжечка стихов на русском языке, содержит стихотворения не равной значительности и даже не одинакового совершенства. Поэта должно судить по тому, что у него выкристаллизовалось до конца, а не по тому, что застряло на полпути, или, к прозрачности приблизясь, все-таки замутнилось чуть-чуть, на грани торжества. **Есть** в «Замыкании времени» кристаллы чистой воды, и прежде всего оно само, то есть стихотворение, давшее заглавие сборнику; кристаллического, минерального ни в этом стихотворении, ни вообще в стихах его автора, нет ничего. Сравнение наше, если **так** его понимать, окажется неудачным.

...А завтра я приду опять
Пустые поезда встречать.
Дождь. Отсыреет мой табак.
Опять вагонов мокрый лак,
Асфальт платформ, и ртутный свет,
и поезд, и тебя в нем нет...

Так начинается лиричнейшее это стихотворение, так оно и кончается, — первыми своими стихами, по священной формуле «в моем конце мое начало», которую Т. С. Элиот

так любил. Это не кристаллография, это, как всякий лиризм, музыке подсудно; и я не допускаю, чтобы в данном случае мог неблагоприятным оказаться ее суд. Или что осудила бы она стихотворение, написанное, в виде исключения, не в России:

В окна мне глядят Юпитер и Париж.

...Где-то там ночная питерская тишь...

И так же трудно мне допустить, чтобы совсем другая музыка — барабанная что ли — читателя не пронзила, когда дойдет он до стихотворения «Памяти Чехословакии» —

Солдаты ушли купаться,
Но бдительны и строги,
Как символ всех оккупаций,
В строю стоят сапоги...

Но, если о себе говорить, ни одного я столько раз не перечитывал — скоро наизусть запомню — как «Кафе на окраине»

Кафе на окраине. Легкие стены стеклянны...

Волшебно звучит оно, и никакого, сколько-нибудь похожего на это, стихотворения в русской литературе я не знаю. Есть кое-что близкое к нему у Аполлинера или, пожалуй, в стихах, приписанных Валери Ларбо герою его первой книги «Дневник миллиардера». Повторяю, повторяю... Остановиться не могу —

Кафе на окраине. В солнечном отсвете медном
Мы смотрим где сесть, на мгновенье у входа помедлив,
И люди, глаза оторвав от тарелок и рюмок,
Глядят на тебя — и светает в их лицах угрюмых...

Повторяю, повторяю... Желая и читателю сборника того же. Есть и еще у меня три или четыре любимца. Не назову их однако, чтоб не подумали, будто я предлагаю семь сти-

хотворений напечатать на большого формата великолепной бумаге, а все остальное положить под сукно. Вовсе я этого не желаю. И не только потому, что семеро любимцев у другого читателя будут, вполне вероятно, не те, что у меня. Просто не хочу я лишаться ни одного стихотворения в сборнике. И вообще, не было бы поэзии, если бы каким-то вовсе и не поэтическим, по естеству их, лакомкам удалось бы ее свести к одним только самым отборным ее «шедеврам». Но поэзия, слава Богу, еще к экспонатам в витрине не сведена. Она есть, она тут как тут, но соли ей насыпать на хвост не так-то просто.

Есть она и в стихах — а не в отдельных только стихотворениях — Василия Бетаки. Он — поэт. Это немало. И этого достаточно.

В. Вейдле

*
**

Ты захотел согреть ладони над костром,
Но отблеск пламени — деревьям по колени.
И распалив огонь, ты мрак сгустил кругом,
И созидаю свет — стократ усилил тени.

Так истина родит десятки ложных мнений,
Пустую тишину усиливает гром,
Жрец неизменности, чтоб вечно быть жрецом,
От нормы никогда не стерпит отклонений!

И он конечно прав, что сны нам портят сон,
Что взлетом Моцарта — Сальери порожден,
Последствий не учесть, и как ни поступи мы —

Зло будет по пятам запутывать пути.
Но стоит стебельку в пустыне прорасти —
И мертвенность песка нам станет нестерпима.

I.

ОЧУМЕЛОЕ СТОЛЕТИЕ

*Созидающий башню — сорвется.
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет...*

(Н. Гумилев)

ПАМЯТИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Солдаты ушли купаться,
Но бдительны и строги,
Как символ всех оккупаций,
В строю стоят сапоги.

По берегу ровной ротой,
Четыре шеренги в ряд,
Начищенные до рвоты —
Одни сапоги, без солдат.

И каждый — подобье танка.
(от пары до пары — шаг)
На каждом висит портянка,
Но это — не белый флаг!

Солдаты ушли купаться.
И пусть — по воде круги —
Живет божество оккупаций,
Черные сапоги!

Да разве в солдатах дело?
(четок сапог стук)
К чорту солдатское тело —
Важен только каблук!

По городам и травмам
(четок шагов счет)
— Рррота! Ррравненье! Право-
е голенище — вперед!»

Кормежку живым болванам?
(четко стучат шаги)
По мраморам и тюльпанам
Без них пройдут сапоги.

Пройдут, протопают тяжело
(четок шагов счет!)
А впереди — фуражка,
Покачиваясь, плывет...

*
**

Подожди меня, слышишь, планета моя, подожди!
Ведь у нас еще все впереди!
Хоть бывали
И дожди, закрывавшие лица людей, как вуали,
И вуали на лицах — холодны и густы, как дожди —
Подожди!
Мне б — сквозь зиму навывлет, и лето — насквозь,
Чтоб отстал самолет, как медлительный лось:
Разве можно сравнить этот гулкий и глупый мотор
С тем, который в груди?
Подожди!
Я увидеть хочу города, где в щербатые лестницы плещет вода,
И такие, где лишь на базаре бывает вода,
И такие, где севером пахнут сады...
Подожди —
мы друг другу вполне подошли,
Ты — хорошая, только прошу: покажи
Все цвета твоих карт, все твои города,
Дай увидеть мне их без руин, без вражды —
Подожди...
Петербург желто-белый заснул,
Ереван розовеет сквозь седину,
А Голутвин — как будто его подожгли —
Весь в густых красноталах... Подожди, подожди!
Так оранжевы дни Ашхабада,
Так сиреневы в крапинках пестрых мозаики Рима,

И стекольно прозрачен Стокгольм, а в Батуми — такие дожди...
Подожди меня, шар голубой, это просто необходимо!
Все узнать, все увидеть позволь...

Как ты годы мотаешь в клубок!
Подожди...

ВЕНИК ТРИОЛЕТОВ

Иосифу Бейну

1

Не виноватые ни в чем,
Молитесь идолам, столицы;
Зубами щелкают границы,
Не виноватые ни в чем.
Царь сам не служит палачом —
На это есть иные лица,
Не виноватые ни в чем...
Молитесь идолам, столицы!

2

Молитесь идолам Столицы,
Забудьте бунт ночных лесов...
(автомашины — вместо псов!)
Молитесь! Идолам столицы
Нужнее, чем гнездо для птицы,
Нужней, чем башня для часов...
Молитесь идолам! Столицы,
Забудьте бунт ночных лесов!

3

Зубами щелкают границы,
Или наручники гремят?

Приказано любить свой ад:
Зубами щелкают границы!
И вот — больной влюблен в больницы,
Мертвец — своей могиле рад...
Зубами щелкают границы,
Или наручники гремят...

4

Не виноватые ни в чем
Побрякивают железняки;
В конторах трудятся писаки,
Не виноватые ни в чем:
Ведь он с другим к плечу плечом,
Ведь так же поступил бы всякий!
«Не виноватые ни в чем!» —
Побрякивают железяки.

5

Царь сам не служит палачом
И даже не родит идею,
Идея массаами владеет —
Царь сам не служит палачом:
Как правило, он ни при чем;
От славословия балдея,
Царь сам не служит палачом,
И даже не родит идею.

6

На это есть иные лица.
Я их не видел до сих пор.
А чтоб вступить со мною в спор —
На это есть иные лица:
В «евангелисты» не годится

Фанатик, честный, как топор, —
На это есть иные лица,
Я их не видел до сих пор.

7

Не виноватые ни в чем,
Вполне порядочные люди
Об идолах бесспорно судят:
«Не виноватые ни в чем!»
Кто ж, спутав жертву с палачом,
Приносит головы на блюде,
Не виноватые ни в чем?
Вполне порядочные люди!

8

Молитесь идолам, столицы,
Не виноватые ни в чем:
Царь сам не служит палачом —
Молитесь идолам! Столицы
Зубами щелкают. Границы
Приказывают кирпичом:
Молитесь идолам Столицы,
Не виноватые ни в чем!

*
**

Двоимся на чувство и мысль.
И — не в силах двоиться —
Двоимся на город и горы, на степь и столицы,
И в лето кидаемся, но не поладив с судьбою,
Уехав из города, город мы тащим с собою.

А выплыв из лета — летим в суетливые зимы,
С мозаикой окон горящих и вонью бензина,
И снег на асфальте на белый и черный двоится,
И улица — вновь непрочитанная страница.

Как мытарь считает монеты — считаем минуты.
День с ночью слепив, мы выгадываем как будто,
Но час норовит развалиться на два получаса,
В нас, в каждом, по две половины критической массы:

В любом — Хиросима за миг до последнего ада
И что-то от двух половинок чиновного зада.
Что — робот-чиновник! Ведь люди живые дwoятся:
От Гамлета что-то и от циркового паяца!

Жизнь — вся — между гениями и дураками...
Да кто ж мы? И правые с левыми спорят руками:
Друг друга не моют, друг с другом едва ли знакомы!
Уйдя из содомов — оглядываемся на содомы!

(Ах, Библия, — что там такое про лотову бабу?
Ужели нельзя, уходя, оглянуться хотя бы?)
Но — вырвешься прочь — и обратно потянешься сдуру,
Как будто угробят без нас мировую культуру!
Двоимся меж прошлым и будущим. Все мы — такие!
(А миг набежавший — он миф, как столбы соляные...)

Двоимся — но этой ценой покупаем единство.
Шарахаясь от полюсов — между ними двоимся.
Что ж, дуй по экватору!
Как полушарье — так двести...
Эй, вы, с полюсов! Надоело вертеться на месте?
Ну как вам там мерзнется с вашей цельностью пресной?
Айда — на экватор! Двоимся? Зато интересно!

*
**

Сломали дом. Из бревен дом.
Он черный был, полуслепой,
И в нем над кухонной плитой
Висели пар и мат. Ах, дом!
Наверно здесь и был Содом!

Хаос камней, досок, земли.
Куда-то бревна увезли.
А две кирпичные трубы —
Как Геркулесовы столбы.
С них пятна сажи смоят росы...
А сад заброшен. Сад разросся:
Освободился от ухода.
О, джунгли — вместо огорода!

Сломали дом. Из бревен дом.
Фундамент, где стоял Содом,
Захвачен золотым прибором
Листвы, назвавшейся судьбою.
Клубника догнила до тла,
Ее история смела
И смыла проливным дождем...

.

Клеочут краны. Строят дом.
Чтобы когда-нибудь опять
Дождям Истории предать
Иной, грядущий сад и дом —
Иной Содом.

*
**

Фары — глаза столетья
пешего хлещут плетью

неотвратимо белесо
режут по чреслам леса

а пусть-ка ответят бульвары
кто это лезет в их тайны
в майский вечер такой нечаянный?
фары

что им пруд и тихие пары?
фары парами бивней белых
пропарывают душу и тело

и шарят по стенам и шарят
зрачки лакированных фатов
а может они собирают факты?
фары фары фары

и вот надо мной осыпается потолок
так он изрезан фарами
а вы не забыли надпись на обочинах дальних дорог
НЕПЕРЕКЛЮЧЕНЬЕ СВЕТА

ВЕДЕТ К АВАРИИ?

ТЕМА И ВАРИАЦИЯ

Т е м а

А. К.

Как хорошо, когда не надо
Куда-то мчаться на такси...
О, торопливости токсин —
Он пострашней любого яда!
Но ты, неспешная лампада,
Не жди, чтоб снова пали ниц:
Ведь новый Дант

под фотоблиц

Фиксирует картины ада!

В а р и а ц и я

На месте срубленного сада —
НИИ Потусторонних Сил,
Где в трешки превратил кассир
Периоды полураспада,
И черной выглядит помада
На ргутном озареньи лиц,
И новый Дант под фотоблиц
Фиксирует картины ада.

Весь век — сквозная эстакада:
Несет — проси иль не проси!
От нижних «до» — до верхних «си»
Жизнь — доплеровская рулада!
А ты твердишь: «Какого ляда
Еще нам надо от столиц,
Где даже Дант под фотоблиц
Фиксирует картины ада?

«Назад!» — кричишь? Не будет «зада»
Ни для гвиней, ни для россияй!
Пойди, у Бога попроси
Циклон, тайфун, самум, торнадо —
Но снова вырастет рассада
Логарифмических таблиц!
Ведь Дант — и тот под фотоблиц
Фиксирует картины ада!

ШЕЙК

Крапíвой бьет по нервам свет
Гольй,
Электронóющий квартет,
Голос...

Дня не было и ночи нет:
Вечер...
Шестнадцать лет, семнадцать лет —
Вечность.
Гитарный вой, литавров бой,
(Дождь... Палый лист...)
Танцуют каждый — сам с собой —
Парами.

В такую мертвую игру —
Так близко?
Танцуют много ног и рук
(тел и лиц — нет!)
Шейк — словно с вешалки рукав,
Лишь ритмы —
Пластами в клетках ребер, как
Бритвы...
Ведь всю неделю — сам с собой...
Хоть здесь бы — парами!
Да нет: субботняя любовь —
Пария!

Начесов рыжие проту-
беранцы
В межзвездный холод гонит темп
Шейка,
В туман нейлоновый — зачем
Шейка?
Там жилка бьется в пустоту
Танца.
Наивным кажется — они
Слиты...
(Крупнеет шахматный паркет
клеток!)
А это — городов и лет
Плиты:

В дождливый век для них на миг —
Лето!
И мотыльковой судьбой
Спарены,
Танцуют каждый сам с собой...
.
Парами..?

УСТАЛЫЙ СОНЕТ

Как я устал, как дьявольски устал!
Лежу в постели и читаю книги...
А цезаря тяжелые калиги
Уже гремят в гранитный пьедестал.
Еще ступенька, две — и вот он встал,
И листьями посыпались интриги,
И снова мародеры и сквалыги
Толпятся в предвкушении поста...
Минуты шарят у души в карманах,
Год практикуется на барабанах,
А каждый день — как мелкий спекулянт...
Я б отдохнул, когда б не эта малость:
Век продает нам право на усталость,
Но в шейлоковский смотрит преискуронт!

*
**

Вы верите, что облака
Приходят к нам из-за границ,
Являются издалека,
Примчавшись наподобье птиц?

Хлысты холодного дождя,
Как незаслуженный позор,
Откуда-то извне придя,
Секут невинный блеск озер?

Поговорим без дураков:
Быть может вам он незнаком,
Простой, как стук дождя, закон
Формирования облаков?
Вы думаете, облака
Приходят из далеких стран?
Забыли вы наверняка
Свой, доморощенный туман!

ЕЩЕ ОДИН МОНОЛОГ ГАМЛЕТА

У ненависти и нежности
Ассоциация по смежности.
Два шага от приятеля до предателя,
Два шага от матери — до мата...
Хорошо пустышке — взяла и спятила:
Нищая духом перед Временем не виновата.
И хоть сорок тысяч братьев — все прощай-прости...
А мне одному груз ненависти
Через века нести!

Врешь, Время, врешь, что ты разнообразно,
Что дни твои — смешенье разных красок!
Они похожи — как стена на стену,
Как «милый Гильденстерн» на Розенкранца,
Как «милый Розенкранц» на Гильденстерна.

Серые головы в сером логове.
Пирушки веселые, пушки грохают,
Пляшет Эльсинор, как шут гороховый!

Полным полно Полониев!
Вот расплясались, шуты-дилетанты!
Да как среди них затесались
Черным вороном — Йорик и белой вороной — Гамлет?
В серых стенах веселье серое, и серое горе,
Даже небо и море — из серого камня!
Четвертый век пляшет на сером фоне
Развеселая пара в кривых зеркалах искусства!
Хоть бы башня, что ли, от этой пляски упала!
Грустно...

Легче — быть бунтарем.
Легче быть отшельником, если надо,
Чем в тигле души выплавлять равновесие Неба и Ада!

О, как бы сейчас
Хотел я со всей этой сворой подраться!
Как Фортибрас...
Но только — что толку
Тыкать шпагой в серый туман?
О, как бы сейчас хотел я впитать весь твой скепсис, Горацио,
О, как бы сейчас...

Самообман!

Эй, веселый могильщик!
Давай-ка подряд
Закапывать в землю башни и прочие тюремные здания.
Копай,
Пока твоя лопата не провалится в самый ад!
(шепотом):

А если
И т а м
Дания?

КАПИТАН

«Но пойми: несравненное право
самому выбирать свою смерть!»

(Н. С. Гумилев)

Гладь залива белая, облаков белей.
Вытянулись к берегу
Тени кораблей.
За стеной кронштадтской,
На камнях фортов,
Офицер ли, штатский —
Ко всему готов...
Вольность против черни — как в стену лбом:
Прут шинели серые осенним льдом.

Русскую Вандею, снег да корабли
Ружьям во владенье
От — да — ли ...
Зарево ли марево — кто там разберет:
Под кровавой марлей розов лед,
И в бинтах, как в бантах, любая голова.
Марля.
Не брабантские кружева.
Не блеснет насечкой
Пистолет...

Время ставить свечку,
Русский поэт!
Кортик против пушек? Не будь упрям!
А как в глаза я гляну семи морям?
Меч ли против вечности? Мечутся в огонь
Плечи твои, меченые млечностью погон...
.
Плеть ли против обуха? Мушка ловит цель...
Вечного Вам отдыха, русский офицер!

*
**

Кто мы?

Последняя осень России в венозных ладонях листов...

Клены —

Ослепшие лоси носились в морозных загонах лесов.

А вдуматься в осень —

Рассвет отраженный, багровая гниль,

Растила, да бросила ветром сожженных под снежную пыль.

Потомки мыслителей,

Пасынки серой зимы —

Кто

Мы?

Откуда?

Из тени бессонной, где ртутные блики мертвы,

Где чудо

Немного зеленой, пропахшей мазутом травы.

Гранит петербургской Европы,

Москвы азиатский базар...

Спартанцы бросали нас в пропасть,

Забыв завязать нам глаза —

И мы воскресаем —

Не так, как Христос или Будда —

Откуда?

Куда мы?

К бесплодным пескам ли, к холодному камню

Нордических скал?

Содомы

Оглянутся вслед нам, но бледно

Сверкнет их соленый оскал:

Поймать бы, порвать бы портрет, уходящий из рамы!

Куда мы?

МЫ — ИЗ КИТЕЖА

Н. Н. Рутченко

В граде Китеже, в граде Китеже, на безлистом, и́листом дне...
Погодите же! Погодите же! Слышен колокол в тишине!

В граде Китеже, в граде Китеже, где намокла дневная мгла,
Не разбить вам, не заглушить уже, не достать вам колокола!

И когда забудет о розовом и нахмурится верх лесной,
Над изломанной гладью озера станет ветрено под луной,
И стеклянные волны призмами вновь подставят бока лучам —
Мы — не призраки — но как призраки
Подымаемся
По ночам!

За сараем в собачьем лае
(Мол, хозяин, возьми с собой!)
Мы опять вороных седлаем
И опять — в безнадежный бой:

Крепко взнуздываем надежду и накидываем плащи,
И выходим на берег между двух осин — и ищи-свищи!
Ну а в Китеже, ну а в Китеже ночью молятся и о нас:
«Разбудите же, разбудите же хоть кого-то на этот раз!

И когда поезда гремящие, обогнав нас, трясут мосты —
Разгляди, что мы — настоящие, что совсем такие, как ты!

Тонет звездный свет в гриве лошади,
Старый дуб в ночи крутит ус...
Дай мне, Господи, крошку прошлого,
Я пойму теперь его вкус!

К дому дом ощерившись лепится, словно вздрагивает во сне,
Перепуганные троллейбусы прижимают уши к спине;
По асфальту, где окна спящие не расслышат копытный гром,

Мы проносимся — настоящие — и скрываемся за углом.
Отряхните же, отряхните же наваждение хоть в этот раз!
Мы — из Китежа, мы — из Китежа, мы сегодня разбудим вас!

Заблудиться в пятиэтажии,
До утра не найти свой дом,
Где всеобщую распродажею
Вам грозят за каждым углом,
Где на улицах и вокзалах
В кумаче — ордынская вонь...

Где в церквах гаражи пожалуй потому, что не в моде конь...

Вы — не младше нас
И не старше нас —
Так не плюйте в нашу тоску:
Не умели мы — под татарщиной,
Не хотели — в аркан башку!

Души съедены, сосны спилены, вместо птичьего —
свист хлыстов...

Оттого-то и затопили мы все от папертей до крестов,
Затонули мы вместе с Китежем,
И поэтому — вас живей!
Отворите же, отворите же! Вот мы спешили у дверей!

В ваших комнатах, в ваших комнатах,
Там где страх как столетье стар,
Мы напомним вам, мы напомним вам,
Все, чем жили вы до татар,
И о Китеже, и о Китеже — ибо мгла его не смогла...
Ну проснитесь же, ну очнитесь же!
И услышите колокола!

ПОСОХ

Венок сонетов

Всем, кто остался в Петербурге...

1

От ног мы отрясаем прах бывшего,
Но в памяти несем его с собой,
Чтобы над нашей двойственной судьбой
Не властвовала ржавая подкова.
Не ищем мы ни родины ни крова,
Но все, что оставляем за спиной,
Нам каждый час напоминает снова
Владенья Януса — порог дверной.
Гонимые неутолимой жаждой,
Мы не имеем ничего, но каждый
Невнятным ожиданием палим:
А вдруг в безмерности найдется мера?
Так мы идем путями Агасфера
И первого свидания не длим.

2

И первого свидания не длим
Не потому, что ищем Эльдorado,
Не потому, что новую отраду
Легко предпочитаем тем, былым.
Нет! Город, нас родивший, стал двойным,
Когда в низинах северного ада
Возник он, желто-белая Эллада,
Своей парадоксальностью томим,
Как пальма у полярного болота,
Как Петр с ключом — и адовы ворота...

Простившись с ним, мы многое простим,
И сон его гнилой не потревожим,
Но быть его рабами мы не можем,
Иначе всех проглотит «Третий Рим».

3

Иначе всех проглотит «Третий Рим»,
А мы, кто только будущим богаты,
Навек замолкнем, вдоль дорог распяты,
Иль под молитвы на кострах сгорим.
А уцелеют серые, как дым,
Казенные бетонные догматы,
Бумажные цветы да казематы,
Да некий свет, обещанный слепым...
Не зря по Праге скрежетал металл:
Он всех, кто не оглох, предупреждал
О приближеньи времени такого,
Когда опять под триумфальный звон
Рабы рабов обрубят цепь времен,
И память не сумеет влиться в слово.

4

И память не сумеет влиться в слово
У тех, кому прозренье не дано,
Кто прошлого туманное окно
Сменить на мир бескрайний не готовы,
Кому звучанье языка иного
Немыслимо, враждебно и темно —
Тот золотит картонные оковы,
И уксус принимает за вино.
А нам, презревшим тесные берлоги,
Понятны и близки любые боги,
Любые листья на любом стволе.
В Стамбуле турком быть, в Афинах — греком,

Не быть никем. Быть просто человеком.
Мы всюду дома, только б на Земле.

5

Мы всюду дома. Только б на земле
Вновь идолов живых не наплодили,
Чтоб нас заставить кланяться горилле
И втихаря летать на помеле.
Нет, лучше в честном кожаном седле
Провековать, глотая тучи пыли...
А те, кто лбы об стену не разбили —
Пусть дышат, если дышится в петле.
Похлебка есть для каждого раба:
В ней — долг и честь, в ней — вера и судьба...
Она, по счастью, мало нам знакома,
Но и понюхав — не избыть стыда!
А потому — дай Бог, чтоб никогда
Нам не грозил цепями призрак дома.

6

Нам не грозил цепями призрак дома
Не потому, что нет его для нас,
А потому, что вдруг, в какой-то час
Чужое можно предпочесть родному.
Ведь не равна одна страница тому,
И перечитывай хоть в сотый раз —
Нет больше пищи для ума и глаз,
Одно лишь утешенье, что знакома.
Прав был Улисс и жалок был Эней:
Я верую в сожженье кораблей!
Пусть мачты вспыхивают, как солома,
Пока леса растут и есть топор —
Мы всё плывем, благословя простор,
И верую в самих себя ведомы.

7

И верою в самих себя ведомы,
 Мечтая, не идем в рабы к мечте.
 Смысл жизни, обретенный в пустоте,
 Не уложить в простые аксиомы.
 Любим векам и странам мы знакомы:
 Живет апокриф странный на листе
 Старинного пергаментного тома,
 И кто-нибудь, открыв страницы те,
 Прочтет о серых ангелах преданье:
 Мы — не жрецы, не жертвы для закланья,
 Мы навсегда верны одной Земле.
 Рай нас отверг, и серный ад не принял.
 Мы — средь людей. Отвеку и поныне
 Ни свету мы не отданы, ни мгле.

8

Ни свету мы ни отданы, ни мгле,
 И под аркан не подставляем шею.
 Умеем все терять, и не жалеем,
 Хоть втайне и мечтаем о тепле.
 Но соль морей не сохнет на весле:
 Ветра по расписанию не веют,
 Отечества пророки не имеют,
 И птица не завидует пчеле.
Отпиа теа — мысли, краски, звуки,
 Да женские ласкающие руки —
 Иных от жизни нам не надо благ,
 И суета сует так мало значит!
 Пускай свистят нам вслед, пускай судачат,
 Пускай рядят хоть в шутовской колпак!

Пускай рядят хоть в шутовской колпак —
 Мы сами балагану знаем цену:
 Скрипучую раскрашенную сцену
 Преображаем, как бездумный маг,
 В минутный храм поэтов и бродяг,
 И озорство предпочитаем плену.
 Ну, конура, вынюхивай измену!
 (Язык от лая — на бок, словно флаг)
 А лицедей, творец бродячих истин,
 Приманчив для тебя и — ненавистен,
 Но что волкам до суетных дворняг?
 Пусть лижут цепь! Мы не разделим с ними
 Наш тайный тост под звездами немymi:
 Пророк, а не беглец — наш каждый шаг.

Пророк, а не беглец наш каждый шаг,
 Но песнь Лилит не хочет слышать Ева.
 И все же сохранится тень напева
 В крови столетий, и в пыли бумаг.
 Но если даже будет все не так,
 И заглушит бамбук следы посева,
 И мирный птичник задрожит от гнева,
 И злой осокой обернется злак,
 Проснется месть порубленных садов,
 Леса придут на место городов,
 И красные от кирпича потоки
 Съедят металл — что ж, значит — новый круг...
 Одно не дай нам Бог увидеть вдруг:
 Что под ногой — пустыни сон глубокий...

Что под ногой? Пустыни сон глубокий?
 Барханов рыжих золотое зло?
 Нет, просто море в полдень принесло
 На гребнях волн мираж тысячеокий:
 И вовсе не песок сжигает щеки,
 А первый снег (его слегка мело)
 ...Ночная скачка в Царское Село
 Ломилась в ненаписанные строки,
 И липы облетали, и была
 Ночь та, что серебрила купола
 В последний раз... Но промолчав об этом,
 Мы с нею не простились... А потом
 Шуршала под дамокловым рассветом
 Листва, присоленная ноябрем.

Листва, присоленная ноябрем,
 Должна б не сниться в шорохе магнолий!
 Так ванты, заскрипевшие от соли,
 Едва ль кому напомнят старый дом!
 Кто ложь назвал тоскою о былом?
 Кто придал ей и вид и привкус боли?
 Кому настолько душу измололи,
 Что уместился в ней один Содом?
 Но — клином свет! Но — все живое мимо:
 Прибой Атлантики и камни Рима...
 И — день за днем, пока не рухнет гром
 Последний над содомскими стенами.
 Он нами предугадан, призван нами!
 Все в разум свой мы с жадностью вберем!

13

Все в разум свой мы с жадностью вберем:
 Опаловых закатов наважденье,
 Полярный отсвет и миров рожденье,
 И тихий голос хвои под дождем,
 И все слова на языке людском —
 Шамана ли камчатского моленье,
 Или гриотов сенегальских пенье,
 Строку Сафо и Джойса толстый том...
 Куда, какие звезды нас ведут?
 Откуда мы и для чего мы тут?
 Чтоб под корой бунтующие соки
 Гудели в ритмах мысли и весны!
 Когда переплетутся с явью сны —
 Все превратится в кованные строки!

14

Все превратится в кованные строки —
 Не зря Гефест органы смастерил!
 У Аполлона не хватило б сил
 Озвучить век, столь гулкий и жестокий.
 Не нам перечислять его пороки,
 Но нам — не сосчитать его могил.
 Мы так же были в нем, как в нас он был.
 Мы всем близки и всюду одиноки.
 В нас — тьма и свет. В нас — Люцифер и Бог.
 В нас, повстречавшись, Запад и Восток
 Существованье начинают снова.
 Едина плоть — Земля и Океан.
 Одну страну сменив на сотню стран,
 От ног мы отрясаем прах былого.

От ног мы отрясаем прах бывшего,
И первого свидания не длим:
Иначе всех проглотит «Третий Рим»,
И память не сумеет влиться в слово.
Мы всюду дома, только б на Земле
Нам не грозил цепями призрак дома.
И верою в самих себя ведомы,
Ни свету мы не отданы, ни мгле.
Пускай рядят хоть в шутовской колпак —
Пророк, а не беглец — наш каждый шаг.
Что под ногой? Пустыни сон глубокий?
Листва, присоленная ноябрем?
Все в разум свой мы с жадностью вберем,
Все превратится в кованые строки.

1973 Петербург, Вена, Рим.

II.

СОЛЬ ВАРЯЖСКИХ ВОЛН

*«Я нью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем Киев прославлен, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!»*

(А. К. Толстой)

*
**

Н. Струве

«Нам внятно все: и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений!»

(А. Блок)

Червленые щиты вдоль борта корабля.
В холщовый парус бьет звон Киевской Софии,
И Новгородская слышна до Византии...
Гуденьем трех Софий озвучена земля.

Ни половецкий свист, ни дикие поля
Не в силах поглотить их голоса живые,
Пока норманнский меч не позабыт Россией —
Волосяной аркан — не мертвая петля!

Псковская́ звонница не станет минаретом,
И Дао никогда не слиться с Параклетом.
Русь Европейскую — Московской не зови:

Да, мы изнемогли под тяжестью тумана,
Да, мы еще несем проклятье Чингиз-хана,
Но соль варяжских волн гудит у нас в крови!

ПСКОВ

Но вот и Новгорода младший брат.
Довмонтовой стены тяжелый камень.
Высоких контрфорсов мощный ряд,
Что держит многотонными руками
Массив стены, с которой не палят
Уж двести с лишним лет... (Тогда войсками
Был полон город, и последний гром
Здесь грохотал, разбуженный Петром.).

Взгляни с верушки круглой Кутекромы
На ижицу сливающихся рек,
Забудь про стены, храмы и хоромы,
Запомни только плавных вод разбег,
Да там лесов зубчатые изломы,
Которые и наш неровный век
Переживут... Но сосны-великаны
Не знают ближних леспромхозов планы!

Слияние Великой и Псковы
Заполнено сиренью и церквами,
И тишиной, и уханьем совы,
Живущей до сих пор между зубцами...
Собора шлемовидные главы
Слегка фосфоресцируют ночами,
И город от Поганкиных палат
До Запсковья молчанием объят.

Клубком свернулась ночь в начале лета
И спит в глазницах звонницы пустой,
Пока ее трехглазые рассветы
Не выметут лучистой метлой
Из трех белых арок. Три кометы
На миг хвосты расстелют над росой...
Смотри восход — сквозь звонницу! Такого
Нигде ты не увидишь, кроме Пскова.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

(Псков 1970)

... И снег на площади — бумага.
Условны черточки людей.
А там — всего-то два-три шага
От освещенных площадей —
И вот Приказная Палата

С огромным в темноте крыльцом,
И в эту темноту куда-то
Углом врезающийся Кром.
Он непомерно вертикален.
А две замерзшие реки
Лежат и сходятся в провале,
Где снег летит на огоньки.
В ночи от Троицкой громады
До двух мостов — по триста лет...
Тут Арсенал. Обрыв от сада.
Глубокий снег. Глубокий след.

На три или четыре века
Нас только трое: я, да ночь,
Да ветер, падающий в реку,
Чтобы смолчать и не помочь.
А за рекой Козьма с Демьяном
Грозят бунтарским куполком,
И звонниц черные прораны
Бредут по снегу босиком.
От них до той кинорекламы
Пятьсот шагов да триста лет,
Ворот вневременная рама,
Глубокий снег, глубокий след.

*
**

Г. У.

Как там зимний Новгород?
Расскажи.
Вьюга ль над стеной встает
И кружит?
Звезды ль с неба капаят
Как смола?

Крыты ль снежной калькою
Купола,
Так, что видно золото
Напросвет?

Ах, белому ли городу —
Белый снег?
Он и летом, Новгород,
Всех белей!
Церковки — как головы
Лебедей,
С клювов смотрят на реку
Облака,
Словно в Волхов налили
Молока!

А зима — как выбелит
Все вдвойне,
Ничего не выделит:
Снег ли, мех,
Брошен зимний Новгород
В синь лесов
Весь, как шубка новая
Из песцов.
Серебрит, пуховая...
А теперь —
Ты возьми-ка Новгород
Да примерь!
А волосы-вороны
С синевой
Выпусти на ворот
На снеговой,
Поглядись-ка в зеркало,
В Ильмень-лед:
Шубка — искры зернами!
Что, идет?

С каблуков до ворота —
В белизне...

Белому ли городу —
Да белый снег?
То-то ты пришла ему
Ко двору:
Волосы цыганские
К серебру,
К белизне — для ясности —
Черноты...

.

Вот такие ж разные
Я и ты.

КИРИЛЛОВ

Над праздничным лесом осенней России,
Над Сиверской синью
На башнях Кириллова росы осели, озерные, сизые.
Скрипят флюгера на шатрах островерхих...
А может быть — ветви?

«И яростен был Ферапонт, а Кирилл был медлитель...»

(а листья кленовые — прямо на плечи)

«Ушел Ферапонт, а Кирилл монастырь заложил...»

Но как далеки от пергаментной речи,
От слов летописных
Сейчас мои мысли...

Ну да, монастырь... Исихасты... Но будь вы хоть трижды
монахи —
Возможно ли Богу с такую безбожной, щемяще-земной
красотою смириться?

Какой невозможный Художник
Для города выискал место такое,
Чтоб белые башни за тридевять рек от столицы
В гордыне поставить над этим безлюдным покоем?

Да, крепость... А в общем, зачем она — крепость
В таких недоступных российских глубинах?

Тут кажется крепость — каприз и нелепость:

Ну с кем тут рубились?

С грехом окружить, а не то чтоб свалить ее —

Наверное, целую армию надо!

В кого тут палили? Какой очумелый политик

Тянул эти стены, достойные стольного града?

Другие же стены серебряно в озеро влиты,
Где белая грань опрокинутых башен струится,
Где так бестелесно и зелено зыблются плиты...

Кириллов ли?

Китеж ли?

...Лес и молчанье.

Качанье небес под ногами.

Становятся ликами лица, и лицами листья...

Ни храмов не надо, ни битвы:

Камням да деревьям начнешь, как язычник, молиться,

Затем, что ни в битву не верится тут, ни в молитву —

Лишь в белые стены, да в грустные русские листья.

ОСТРОВ

Так он и вправду — остров?

Из-под цепного моста

Два нешироких русла

Легли через века...

Как фресок брови грустные,

Как черточки «легатто»...
Не так уж велика ты,
Великая река!

Лабазов арки затхлые
На плоских площадях,
Да звездочки заплатами
Под дождичком заплакали
На синих куполах...
Беленые церквушки —
Кустарные игрушки
На низком островке...
Когда б не цепи моста —
Уплыл бы, верно, Остров,
Как баржа по реке!

Уплыл бы!
А куда?
Куда течет вода!
При ветре ли, без ветра —
В столетье по сто метров...

Без перепляса перемен
Ты заплутался в трех веках,
В забытых снах, как в трех соснах...
Но что ты получил взамен
За отрицание времен?
Остался на себя похож?
И все, считаешь, на местах?
Гремят вериги на мостах,
Скрипят вериги на мостах...
Ты, может быть, чего-то ждешь?
Юродствуешь или поешь?
Или тихонько молишься?
...Автобусами пользуешься,
Да семечки плюешь

На свой бульварчик козий,
На мир чужой и пестрый,
На церкви и на цепи,
На лужи и на космос...

Да ты и вправду остров,
Когда вот так живешь!

ТАЛЛИН

1.

Там, где мостовых лиловый камень
Редко под колесами дрожит,
Там, где над вторыми этажами
Выступают третьи этажи —
Как ступеньки, только вверх ногами,
Там, где тускло светят витражи,
Словно пестрый свет их еле жив,

Там, в клещах у городского вала,
Улица осталась, как была:
Лишь бы только стен не задевала
Алебарда поперек седла!
Там о чем-то грает вороньё
У оград, захлеснутых сиренью...
Кажется — бесшумный вал ее
По ветру унес в небытие
Четырех столетий поколенья.

Копья шпилей лезут в небеса
Жесткими гранеными концами...
Только вдруг — за тихими зубцами
Всплеснута проспекта полоса!
Колокол или трамвай звонит?

Не понять: четыре века смяты.
Был шестнадцатый — и вдруг двадцатый
Сразу, непосредственно за ним!
Смотрит сверху, флюгером вертясь,
Ко всему привычный Старый Тоомас
На аргон реклам и на автобус,
На столетий порванную связь.

2.

Устья улиц — как пролеты ворот,
А на крышах — без счета ворон,
Тут веками обгерты углы,
Старой ратуши арки тяжелы.
Ухмыляясь, наблюдает за мной
Старый Тоомас, человечек смешной.
Он над ратушей на шпиле, Старый Тоомас,
Беспреданно пляшет старый танец,
Он не чувствует веков на плечах...
Кто ты, Тоомас, ты кузнец или бочар?
Ты ли обручи для бочек ковал?
Ты ли в крепких доньях доски стыковал?
Ты ли темным пивом потчевал народ?
Ты ли стражем был над сотней ворот?
Ты ли в море провожал рыбака?
Над Эстонией вращаются века,
Над Эстонией на шпиле кружа,
Ты стоишь, ее истории душа!
Нет в судьбе ее ни льва, ни меча...
Слушай Тоомас, ты — кузнец, или бочар —
Слазь со шпиля — видишь кружка полна,
Ну, давай, по кружке пива, старина!

ДИЛИЖАНС

Утихнут годы, дни слежатыся
Под гнетом памяти...
А в Тихвин ходят дилижансы
По снежной замяти...
Они автобусами прикинутся,
И в это веря,
Автоматические раздвинутся
Гармошкой двери.

А кони, снежно-белогривые
Враждуют с прозою.
Кондуктор отрывает криво
Билеты розовые...
Сидят туристы с рюкзаками,
Курсистки с косами,
Монах какой-то рядом с нами
и Римский-Корсаков.

За снежной пылью от копыт,
За дымом выхлопов
Он слушает, как Тихвин спит,
В ветвях нагих пропав...

За монастырскими стенами,
За дымной фабрикой —
Пирог, слоеный временами, годами, фактами...

Они в Скрижалях были строчками,
В музеях — латами,
И все смешались, оттого что
В с е г д а была Ты...
И от того, что в стеклах ватных,
В невнятной замяти,
Коней и дней невероятность
Следишь глазами Ты.

*
**

В окна мне глядят Юпитер и Париж.
...Где-то там ночная питерская тишь.

А в Воронеже — вороны на крестах,
У них черные короны на хвостах.

И растаяло созвездье Гончих Псов,
И пластается туман из-за лесов,

Где молчит, как берендеева страна,
Вольной Вологды белесая стена.

А за ней — морозцем тронутая ширь...
Там затерян Ферапонтов монастырь,

Там над озером, где низкая трава,
Тают в воздухе неспетые слова,

Цвет лазурный не отдавшие зиме —
Дионисиевы фрески в полутьме...

Там, в приделе, за безлюдный этот край
Заступись ты, Мирликийский Николай,

За осенний, за желтеющий рассвет;
Помяни, что мне туда дороги нет,

Помяни, что в граде-Китеже живу:
Только воду осязаю, не траву.

Помяни, что я молился за леса
И над озером тугие паруса...

Ты, взлетающий в подкупольную высь,
За меня, святой Никола, помолись...

ОПРИЧНИНА

Павлу Антокольскому

1

ПРОЛОГ

Опричники едут

За Москва-рекою зарева
Вдалеке.
Скачут люди государевы
Налегке, налегке.
Только филин где-то ухает,
Конь храпит, конь храпит,
Только глина тяжело плюхает
От копыт, от копыт...
Пляшут тени в свете месяца
На Руси —
А за заборами-то крестятся:
«Пронеси, пронеси!»
Ох и страшен вид их праздничный
В час ночной!
«Ну, авось, на этот раз еще
Не за мной, не за мной!..»

**Память — пятна факельные вдоль Москва-реки.
Мотоциклы фарами прощупывают потолки...**

На запор ворота добрые
От греха:
Ну а вдруг как пустят огнивом
Петуха, петуха?
Их начальник смотрит радостно
На грабеж, на пожар —

А ведь он, опричник Вяземский,
Из бояр!
Видно все именье начисто
Прогулял, прокутил,
Что в опричное палачество
Поступил!
Над попоною богатою
У седла —
Песья голова косматая,
И метла, и метла:
Чтоб измену чуял скверную
Аки пес,
Чтоб царю Ивану верную
Службу нес...

**Память — копоть факельная да звериный страх.
Мотоциклы фарами шарят в мозгах...**

Справедливо ли, облыжно ли —
Всех мети, грех — не грех!
А какой злодей из книжников —
Паче всех, паче всех!
Хоть боярин — не боярин ты —
Виноват? Виноват!
Православный ли, татарин ты —
Всем подряд, всем подряд
И хоромы будут дадены,
И земля, и земля:
Два столба, что с перекладиной,
Да петля...

**Память — пепел факельный да вороний грай.
Мотоциклы фарами высвечивают дорогу в рай...**

2. Из письма, найденного в Соловецком монастыре.

... И нет Адашева, и нет Сильвестра.
Повсюду, как проклятие Господне,
Опричные и жгут и грабят земских,
И смердов бьют, и забирают девок —
Все именем царя...

Но как же он —

Повинен ли в бесчинствах, или сам
Не знает, что творится на Руси?...

.

... И днесь пишу я, бывший переписчик
Посольского Приказа.

.

Довелось

Мне перебеливать большую книгу
Последней Летописи. А когда
И прописи и многие картины,
Все в книге было начисто готово,
Затребовал Великий Государь
Меня и труд мой, и рукой своей
Вписал он о крамолах, что бояре
Чинили в дни, когда болел он тяжко.

И сам же записал о том, что в судьях

Курлятев был, Адашев, Шереметев

И Висковатый-дьяк »

А после, как пришлось мне книгу эту

Опять перебеливать, и в новый раз

Картины заказать, какие надо,

(Прошло лет пять, а может быть и боле)

Царь учредил Опричнину в тот год,

И в Александровскую слободу

Уехавши, затребовал опять

Мой труд к себе, и на полях вписал,

Все имена злодеев, и меж ними
Курлятев был, Адашев, Шереметев
И Висковатый-дьяк

Еще вписал, что смуты и мятеж
Причиной оскуденья в государстве.
Я ж был сюда на строгий постриг сослан
И

. писано сие рабом господним
Монахом соловецким Мисаилом.
(В миру — Матвей Семенов сын Лобанов)

3. Крепость Печерская

Будет крепость у Печер!
Незадаром же вечор
Изо всех деревень смердов собирали!
Где Печеры — где Изборск!
И людей на двадцать верст
Друг за дружкой монахи расставляли:
Повелел отец Корнилий,
Чтоб изборский известняк
Не носили, не возили,
А вот так —
Словно ведра на пожаре — по рукам
Двадцать верст передавали,
Да чтоб батогов давали нерадивым мужикам!
Будет крепость у Печер,
Чтоб король нипочем
Не прошел в российские пределы...
Только кто ж в Москву принес
На Корнилия донос,
Что замыслил, мол, егумен злое дело:
«Для чего бы он без царского веленья
Указал к монастырю таскать камень?»

Чтоб Жигмонту передать укрепления?...»
— Эй, бояре — не бояре, все мутители,
А на плаху на Пожаре не хотите ли?

(Голос из XX века:

**И никто не объяснил внизу ему,
Что инициатива — наказуема?)**

Нет, опричина —
Не пустяк, не пустяк,
Нет, опричину
Не простят, не простят
потомки...

4. Монолог Андрея Курбского

Прощай, Москва, не свидимся с тобою —
Бегу я...
Не за тебя, Москва, на поле боя
Паду я...
Что ж, видно больше не судьба мне.
Разлука сгложет.
Хоть княжья шапка дорога мне,
Башка — дороже...

Всех добрых он побил и сильных,
Кто для него старался.
Решил, что сам один — Россия,
Бога не убоился.
Но слышишь, Господи, клянусь я,
Что никакого
И заговора не было, в том Русью
Клянусь...

(Голос из XX в.: Что нынче стоит слово!)

Под топором навек закрыть глаза мне —
Не гоже!
И княжья шапка дорога мне,
Ан истина дороже!

5. Курбский у Корнилия.

К ночи прибыл в Печеры Курбский.
Вот и город последний русский.
И князю сказал егумен:
«Мудр ты, княже, да неразумен.
Ты не бойся царя Ивана,
Не беги ты в чужие страны.
Там, в Литве, тебе грош цена,
А в России — и смерть красна.
Хоть и грозен Иван Васильич,
Только он ведь не вся Россия!
У России широки плечи,
А Иван, он как мы — не вечен.
А помрет — быть великой смуте,
Не управиться псу-Малюте:
Рубят лес, да топор-то ржавый!
Разве страхом сдержать державу?
Там тебе, князь, велел постель я...»

И отправился Курбский в келью,
И задумался Курбский крепко:
Лес-то рубят, да я — не щепка!

6. Правда о смерти Корнилия.

Железом изрезаны ноги.
Хоть поп ты, хоть нехристь, хоть выкрест —
Иди! Ведь на э т о й дороге
Смешались Христос и антихрист!

На торжище псковском готова
Корнилию матушка-плаха.
У палача молодого
Кровью горит рубаха.

А в судьях — Малюта Скуратов,
Да Федька бесстыжий Басманов —
Продаст он хоть свата, хоть брата —
Он — шут в терему у Ивана.

А на расправу скор он:
Дознания чинить не будет!
Зачем только суд, который
Не рассудив осудит?

7. Легенда о смерти Корнилия, рассказанная автору отцом Августином.

...А сказывают так, что государь
Приехал, и когда к нему егумен
И с братией навстречу к воротам
Степенно вышел —
Саблею татарской
Взмахнул Иван и голову срубил
Корнилию.
«Вот, отче, за измену,
Теперь построй-ка крепость без указа!»
. Вдруг побледнел,
Потом склонился над безглавым трупом
И словно бы раскаянем ведомый,
Корнилия отнес он на руках
В пещерный храм... Дорожку ту поныне
Зовут в обители «Кровавый путь»...

8. Кровавый Путь.

Кровавый путь — не в Печерах.
Не от ворот до храма.
И даже не тот, который
Солдата приводит в яму...

Курбскому Грозный пишет:

«Не похваляйся, княже, германские крепкие грады падали не
от того:
Не твоим фузеям да саблям, не воинской смелости даже, —
Сдавались только величию имени Моего!»

Голос из XX в:

**Сверху видней, как побеждали,
Ну ей же ей — шапками закидали!**

Не до шапок и не до шуток
Павшим в бою.
Посчитай, и цифирью жуткой
Оцени дорогу свою!
Гремели единороги,
Сабли лезли в лицо —
Но главное — ждали тюрьма и остроги
Лучших из лучших бойцов,
Тех, кто принес в Россию
Германских градов ключи.
Они — опасная сила...
Так опричнина их и скосила,
Недоверию не научив...
А ты и опричникам верил,
Ты жил с незапертой дверью,
А за тобой — облава,
Как за лесною тварью,
И досталась военная слава
Лишь великому государю...
Не враги, а свои скосили.

И сыну некуда деться.
А он-то еще: «спасибо, —
За счастливое наше детство!»
Государь — он всегда безгрешный...
Помолись за него, юродивый.
И гудело эхо в соборах,
И гулко было и глухо:
И молившийся не был отмечен
Благодатью Святого Духа...
...Кровавый путь — не в Печерах.

9. У стен печерских

Вечером Баторий
злой —
Утром под Печерами
бой.
Вечер — вздох густой
травы,
Вечер — строй литой
Литвы.
Вечером мечи блестят:
Что там русский щит — пустяк!
Вечером — седлай коней!
Утром и коням конец...
Вечером — копыт
поток,
Утром — ни стремян,
ни сапог,
Утром — ни знамен, ни брони,
Утром — от ворон Бог храни!
Вечером — у шлемов вид!
Утром — на земле в крови
Россыпью изрезанных снов
Каша из железа и мозгов...

10. Монолог печерского колокола.

Над долиной, над долиной, над зелеными раздольями полей
Блещут белые оконницы и ангелы на звоннице,
на звоннице моей.

Если ива долу клонится, за тучей ветер гонится
и буря собирается — эгей!

Стерегут границы русские в стене бойницы узкие,
А я —

Бьюсь и вою над стеною, над лесною стороною,
И слышна аж над Литвою
Медь моя!

Я немало повидал с высокой звонницы людей —
И врагов,
И друзей...

Столько лет мне смены нет, я все служу и сторожу —
Эй, бей!

То над берегом горбатым тяжким ухая набатом,
Собираю я людей со всех сторон,
То —

в гул гулянки в день престольный я вливаю колокольный
мой малиновый, глубокий звон!

А бывает —

над землю небывалым воем вою,
Не набатом распроклятым, не весельем, не хвалою
Вою:

Призываю не с Литвою
К бою:

Я звучу колоколами над холодными телами
Всех казненных,
Убиенных,
Что на плахе под стеною...

Ною!

Я звеню и кандалами над медвежьими углами,
И бубенчиками троек над Москвою
Вою!

И пускай говорят, что без веревки звонаря
Языком своим качать не вправе я:
Я ведь колокол такой: звонари — за упокой, а я — за здравие!
Кровью полита полынь...
Сгинь, сгинь, сгинь...

III.

ПЕТЕРБУРГ — НАВЕКИ

*...И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман...
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка.
Как пред казнью бил барабан.*

(А. Ахматова)

*
**

Этот город — на мир похож:
Всё отдельные острова.
Этот город на мир похож,
Только он не так староват.

Этот город — как человек.
В нем одном — безграничный мир:
И текучая истина рек,
И красивая ложь — ампир.

Не случайны его цвета;
В них смешение двух времен:
В золоченую осень стен
Влита белая ночь колонн...

*
**

К. Г.

В безоблачности над гранитной крепостью,
Над клетками дворов
Летающий ангел пойман в перекрестье
Прожекторов.

Распахнутые судорожно крылья
Внутри креста,
И ангел бьется на булавке шпиля,
И ночь — пуста.

Молчи и слушай, если ты крылатый,
Как до утра
Еще трубит тревогу ангел, взятый
В прожектора.

*
**

Под влажным солнцем осени желтеет Летний Сад,
Беседуют философы под тихий листопад.

Ни шороха, ни голоса, и только с высоты
На мраморные головы планируют листы,
И паутинки осени над белизной висков
Усыпаны монетками осиновых листков.

О, мраморные личности, не схожие ни с кем,
Вы — тень от необычности миров, систем и схем!
Ничто вам вьюги желтые, дожди и холода,
Закатом обожженные, вы знаете, когда
Запахивая ватники и на ветру дрожа,
Вам будки деревянные наденут сторожа.
И вдруг исчезнет разница и пропадет лицо,
И серых досок равенство накроет мудрецов...

ЛЕТНИЙ САД

Эти головы горгон двулики.
Алебарды — вправо-влево смотрят.
Не гадал не думал Петр
Великий,
Что на Летний поналепят
Морды,
Что заблудишься в сплошных величьях,
Что не ступишь никуда с аллеи...
Видишь головы горгон
Двуличных?
И на каждой притаились
Змеи.

Алебарда — что орел двуглава!
А кустарники — прямы, как рама.
Тут ни влево не свернешь,
Ни вправо —
Генеральная аллея —
Прямо!

И глядится в ту аллею замок.
Видишь, в цвет драконьей крови стены?
Он несчетными глядит
Глазами,
Охраняет неизменность
Стиля!

Там живет убитый им-
ператор.
(Стиль воинственный зовут
ампиром)
Топай прямо, а свернешь
куда-то —
Обернется тот ампир
вампиром!

*
**

Запад есть Запад —
Восток есть Восток
им не сойтись никогда...

(Киплинг)

В небе летнем, старинном
И почти что пустом
Резко вздыблены спины
Разведенных мостов,
И нежданный, как лебедь
Над Невой несогретой
В фиолетовом небе
Силуэт минарета...
Над гранитами призрак
Бухары бирюзовой
Азиатским капризом
В сон Европы суровой —

Словно в «Аве Мария»
Влился клич «бисмилла»,
Полумесяцем крылья
Изогнув у орла,
Словно небо кусая,
Две змеи над Невой
Встали рядом, касаясь
Облаков головой,
И у каждой по телу
Пляшет ромбов мираж...

И молчит опустелый
Петропавловский пляж.

*
**

И крылья яхты под дождем
Мокры...
И молча в листьях мокнут острова...
Вдали окно слилось с окном.
Костры?
Насторожились окна и слова.

У фонарей глотает спектры
Мрак.
Асфальт и фары на проспектах?
Лак...
Канат, как мокрая змея.
Причал...
Зачем ты хочешь, чтоб и я
Молчал?

*
**

Стекланный вечер на снегу
Лежит, и лень ему подняться...

Как он сумел так распластаться,
Стекланный вечер на снегу?

По скользкой улице бегу
В толпе витринных иллюстраций —
Стекланный вечер на снегу
Лежит, и лень ему подняться...

*
**

О. И.

... Вот так остановиться и смотреть
На фонари, проталины и окна,
То вверх, то вниз, пока душа на треть
В хрустящей оттепели не размокла.
Глазеть на ветки тополей нагих
На серый снег, на белые карнизы,
Потом прийти домой — и этот стих
Останется навеки недописан...

*
**

В асфальтовом небе шуршащие листья,
В осиновых просеках, желтых по-лисьи,
Да желтая стрелка гласит: «переход»...
Куда он из лета меня приведет?
За синие рельсы, в проспекты осенние,
По сонным аллеям Лесной академии,
В Ланское шоссе, чтоб оно, как на зло,
На Черную речку меня привело.
Там листья, чуть звякнув по бронзе устало,
Желтея ложатся вокруг пьедестала.
А рядом — скамейки.
А рядом — черно:

На месте дуэли — дуэль в домино!
И желтые лица на месте дуэли
Как желтые листья поэта обсели,
Шуршат, словно желтые сплетни придворных...
— На Черную речку!
... А сколько их, черных?

ОТ ЯНВАРЯ — К ЯНВАРЮ

1.

Штукарь! Растратчик! Январь, январь!
Старик и мальчик! Двойная тварь!
Глядит и в прошлый и в новый год,
То сердце крошит он, то солнца ждет.

Январь — от Януса. О, это имя
Не зря придумали в двуликом Риме,
Где и республика,
и рабство вместе,
Где все испуганы —
и жаждут мести,
Где тоги цезарей белей снегов,
Но цены падают на всех богов!

То вдруг он нищий, то снова царь;
То в стекла солнцем швыряет милости,
То вьюгой свищет шпана-январь,
То размолчится в чиновной стылости —

Влюбленных гонит из парков белых,
«Не потерплю, — свистит, непоряд...!»
В одежды прячет от тела тело:
Не забывайте, мол, января!

То сердце крошит он, то солнца ждет,
Глядит и в прошлый и в новый год,
Старик и мальчик! Двойная тварь!
Скупец? Растратчик? Январь, январь...

2.

Черные сучья, белые стены.
Мимо решеток сада
Белой поземкой улицу стелет
Снежная серенада.

В мире двухцветном,
В мире без красок,
В этом февральском мире
Без остановки автобус тряский
Проходит мимо...

Фары ослепли.
Снег, для чего ты —
В лица молчащих, милых...?
Вьюга любви подхватит кого-то
В этом февральском мире.

Ах, не шутите с белой погодой
Черными вечерами:
В мире двухцветном азартный город
В чет-нечет играет с вами.

Любит — не любит, решают разом,
Бесповоротно, мигом...
Как в старом фильме — только две краски
В этом февральском мире.

3.

Мой север взбесился:
Цыганское солнце!

Март беспощадно ко́лок,
И оплывают кристаллы соли
На ветках голых.
Скамейки зябки и мысли зыбки,
(Ни в чем уверенности нет)
Сосульки — злы, а стекла — улыбки,
А лица — то мрак, то свет.
Март рвется к власти сплошного света,
Он пляшет, тени уничтожая.
Спасайте тени!
Земля контрастов — нам не чужая!
Поймите это!

4.

Нагроможденье лунных призм,
Кристаллов длинных,
Шуршащий звон (сюрреализм!)
В весенних льдинах.
Нева кристаллами щедро
Под солнцем редким,
Нева — ристалище. Ветра —
Как копы метки,
Нева — ристалище: на ней —
Ветров дуэли:
Зюйд-Вест с Норд-Остом на коней
На белых сели.
Зюйд-Вест смеется, бьет лучом!
Ах, как непросто
С тяжелым северным копьем,
Копьем Норд-Оста!
Доспехов лязг, шуршащий звон
Кристаллов длинных...
Их поединок отражен

В весенних льдинах,
В нагроможденье лунных призм
Ледохода...

Абстракция? Сюрреализм?
Да нет — природа!

5.

Да, все случилось не во сне,
Да, заплутался я в весне;
Не три ствола,
Не три сосны —
А целый океан весны:
Лесных полян веселый всплеск,
И первых листьев липкий блеск,
И свищет ветер над весной,
И мечется, как зверь лесной,
В сосновых просеках сквозя —
Заснуть нельзя,
Заснуть нельзя!

6.

Я просто в лето на волю
Выпущен из зимы,
Я просто лесом доволен
И яркостью бузины,
Невыдуманным сплетеньем
Цветений.
Светом и тенью,
Их честной борьбой доволен —
Борьбе учусь у растений,
Где не стригут кустарник,
Где каждый растет, как может,
Где никогда не станет

Властью садовый ножик,
Где не найдешь, хоть тресни,
Двух одинаковых крон!

Я просто доволен, что лес не...
Что свой у него закон!

7.

Вот и сонный июль, и ночная Нева.
Станет город в закатах топить острова,
Над провалом каналов нависнут мосты,
Тенью воду выхватывать из пустоты,
И останется город без слов и без снов,
Словно сотни других городов...

Сонный, каменный, голову мне не морочь:
Ведь утоплена Белая Ночь!
В молчаливых закатах ты сжег острова,
И в единственном русле осталась Нева,
И опять до весны
Ты без снов и без слов,
Словно сотни других городов.

8.

Август был самодержавен
И ленив.
И сады его устали от корон.
Он просил осенней ржави
И любви
Разморённой, горькой ивовой корой.

Желтый пляж
Глотал фламандские тела.
И дыханье заменяло разговор...

Ты
Рукой большой и мягкой мне дала
Переполненный закатом помидор...

9.

Осенним дням бросая вызов,
Изданные по бокам,
Взвиваясь с горизонта, снизу
На нас летели облака.
Темны, причудливы, косматы,
Дождем по озеру звеня,
Срывались облака с заката
Кусками дымного огня!

Так, против холода бунтуя,
Гроза взрывалась налету,
Срывая и круша пустую,
Затасканную красоту
Сухой листвы, уже никчемной,
Смывая пыль, сметая хлам,
Свистя в верхушках рощи темной,
Мир разрывая пополам!

Ни одного удара мимо.
Бросая молнии в глаза,
Она была непримирима,
В глубокой осени — гроза!

10.

Нет, не прощает осень скупая
Запой весны...
Ветер-валютчик листья скупает
За пол-цены...

Молодо — зелено,
Много не велено.
А пожелтеет —
Вовсе не надо...
Осень затеет —
Вроде парада:
Над голым лесом
Кровь ли?
Знамена?
Алая крона
Старого клена.

11.

(ГЕОМЕТРИЯ ТУМАНОВ)

Ветрами зеркала туманов погнуты,
Дождем пропороты...
Совсем не по эвклидовым законам
Живет мой город:

Мост — не дуга, он кем-то смят в гиперболу,
И фары искажают перспективу,
Выхватывая дерево за деревом
Сады из волн залива.
И серебрятся аисты столбов.
Их гнезда — не на крышах, на асфальте!
Как все искажено!

Хоть вы останьтесь,
Две нитки параллельных огоньков,
Две линии неоновой химеры
Над бесконечной сыростью аллей!

...Но где-то там, в вершине псевдосферы
Сойдутся параллели фонарей.

12.

Бунтует парк. О, как всеильна
Его глубинная душа,
Сухой и колкой снежной пылью
Проспект неоновый глуша,
Чтоб страхом замутились фары,
Чтоб покосилось изнутри
Самодовольство тротуаров,
Самонадеянность витрин!

И вот —
Как белый тигр,
Как доблесть,
Как возмущение аллея,
Врывается метельный отблеск
В бездушье ртутных фонарей,
И крутит яростные сальто,
Ограды черные грызя,
Непогрешимости асфальта
Ветвями тонкими грозя!

13.

Скупец? Растратчик? Январь, январь —
Старик и мальчик — двойная тварь!
Глядит и в прошлый и в новый год,
То сердце крошит он, то солнца ждет:
Не забывайте, мол, января!
В одежды прячет от тела тело,
«Не потерплю, — свистит, — непоря...»
Влюбленных гонит из парков белых!

То размолчится в чиновной стылости,
То вьюгой свищет шпана-январь,
То в стекла солнцем швыряет милости,

То вдруг он нищий, то снова царь.
Но цены падают на всех богов!

Где тоги цезарей белей снегов,
Где все испуганы —

и жаждут мести,
Где и республика,
и рабство вместе,
Не зря придумали в двуликом Риме
Январь — от Януса! О это имя!

То сердце крошит он, то солнца ждет,
Глядит и в прошлый и в новый год,
Старик и мальчик — двойная тварь!
Штукарь! Растратчик! Январь, январь!

ПЕРВОМАРТОВЦЫ

(Отрывки из поэмы)

1.

И вот на Аничковом мосту
Опять взвиваются в высоту
Четыре апокалиптических коня.

Четыре. А пока —
копыта, не звеня,

Застыли.

А бока —
дрожат от напряженья,
и вздуты ноздри. Всё —
в предчувствии движенья.
Их, черных, четверо, могучих, как века,
Их, черных, четверо, как встарину, пока...

2.

Жалейте мокрые заборы,
Чернеющие над снегами,
Когда ветра в апрельском гаме
Запутывают изобары,
Жалейте черные заборы:
У них ведь лужи под ногами!
В распутицу, в сырую талость,
Вдали, как в небе, два-три дома,
Да две ветлы — такая малость —
Торчат над сизым окаемом,
Чернеют, позабыв о сини,
Над серым месивом дорог...
Жалейте мокрую Россию —
Забор и раб ее, и бог!

3.

Шлагбаум полосат, как черт.
Будки белые с черным.
И на верстах, ведущих к черту,
Оба цвета разрезаны четко:
Скоро, видно, на флаг попросится
Черно-белая чресполосица.
И ходят будоч-ники, хра-ня
Чередо-ванье ночи и дня:
Недаром будки их по-ло-саты:
Черное, белое — и ко-нец:
От-менены: ни рассветов, ни закатов!
Ночь или день!
И кажется полосатым
Самого Обербудочника дворец...
А в крепости ворота полосаты,
Совсем, как арестантские халаты,

Исполосован колеями двор...
— Везут! Везут!
— Отставить разговор!

Не дрожат от боли
Устои моста.
Полосатой долей
Россия сыта.

4.

За решеткой окошка — развод караулов.
За решеткой окошка — твердят барабаны:
Утром рано, утром рано, на рас-све-те
на Семеновском плацу —
Казнь!

А что еще говорят барабаны?

Царь един, и Господь един,
И России отвеку дан
Алексеевский равелин,
Аракчеевский барабан.
Аракчеев давно помре,
Но как прежде гулок туман,
И стучит, стучит на заре
Аракчеевский барабан.
Петр в Европу рубил окно —
Мы заделали вновь, зер гут!
В барабанах дыры давно,
Их латают и снова бьют.

Барабан, барабан, барабан,
Барабан — уж который раз!
Покорили вольный Кавказ,
Прихватили и Туркестан!
Нет, еще не последний год

Гложет душу звуков буран —
Под ружье Россию зовет
Аракчеевский барабан!

Барабанщик давно вспотел,
Но всю барабаны бьют:
Кто там равенства захотел?
И в полки студентов сдают.
Не хотите — ниже травы?
Вас тревожат судьбы страны?
Но зато уж в казарме вы
Одинаковы и равны!
Все построены в серый ряд,
Всё глушит барабанный бой.
Что-то будет с тобой, солдат,
С барабанной твоей судьбой?
Корка хлеба, да квасу жбан —
Послужи царю и стране!
Лупят палочки в барабан,
А шпицрутены — по спине!
Вот и равенство нам дано:
Нам сержант являет пример,
Чтобы все — на лицо одно,
Чтобы всё — на один манер.
Вы такого хотели? Нет?
Барабаны твердят, не врут,
Что российский интеллигент —
Детонатор народных смут!

Барабан — и ряды равны.
Барабан — и построен взвод.
Отправляем совесть страны
С барабаном — на эшафот.
Царь един и Господь един,
И России навеки дан

Алексеевский равелин,
Аракчеевский барабан...

5.

Ночь, для чего ты белая, ночь, почему не рваная?
Ночь, ты все та же целая, перинная, диванная...
Считает Питер ложечки на буднях и на праздниках,
Лежат в карманах ножички у васинских лабазников...
Фонарь поблек. Фонарь, дрожи! Верь, суеверец, в сон и в чих!
Острые — и шупают купчих. Острые на выборжцев ножи:
«Не забредай на Выборгскую — прибьют и в Невку выбросят!
...Кто там невнятно и угарно, гитарно поет за стеной:
«А ваа-синские паа-рни кричат: «Чеснок, постой...»
Чеснок остановился, они его кругом —
«Вы бейте чем хотите, но только не ножом...»
...А охтинские пустыри — хаос развалин и зари.
В Рыбачком пышет самовар среди соломенных перин:
Зван иль не зван — пирог румян,
Пьян иль не пьян — звенит стакан,
бери и жри,
крути роман...
А Питерская сторона?
Ах, Питерская сторона!
Опять ни отдыха ни сна!
гармошку в лапы
в картуз — гвоздику,
Каблукам ладно
По мостовым гвоздить...
И дрыхнет Нарвская застава
Коротким сном, тяжелым сном.
Сон пахнет потом и гудком.
Ей будет слово, будет слава, но это все — потом, потом...

Ведь веку — восемьдесят лет.
Ни Блока, ни «Возмездья» нет...
Век оступел, век стар и крив.
И долго ждать тебе, залив,
И ставить после бурь заплаты,
И берег низменный залив,
Мечтать о времени расплаты...

.

Труба.
На рейде в пламени заката
Крестами мачт взмолились корабли.

1965

ПЛЯСКИ ИСТОРИИ

Сюита для актеров и фигляров с оркестром.

ВСТУПЛЕНИЕ

Века рождаются великими.
Стареют — по-особому:
Век начинается религией,
Кончается — фасонами.
Век начинается фронтонами,
Кончается — камеями,
Век начинается титанами,
Кончается — пигмеями.

Часть I — начало XVIII в. Менуэт — Камаринская.

Часть II — начало XIX в. Мазурка — Полонез.

Часть III — начало XX в. Танго — все, что угодно:
от «блатных» песен до бодрых маршей...

После каждой части — антракт.

В антракте казнят оркестрантов, а по возможности и актеров.

В роли палачей — фигляры.

М Е Н У Э Т

— Анхен, чарку водки!
— Мингер Петер,
отвлечитесь, предоставьте действовать судьбе!
...Музыкальный ящик сотрясает менуэтом
стекла в двухэтажной
монсовой избе.

Все перемешалось,
дымное, синее,
с трезвых глаз не разобратъся —
плюй, не плюй —
то ли тут Голландия,
то ли — Россия...
Нет! Кукуй!

Царь сидит на лавке, расставив колени,
огурцом хрутит,
была — не была,
утром — марш цум тойфель стрелецкие тени,
пусть хоть надорвутся
коло - ко - ла !

Бердыши косые
не нужны,
сменят вас России верные сыны!

...До России далеко, а Русь уже ушла...
— Дай водицы, Анхен; одолела икота!

Рот перекрестил —
Ни кивота, ни иконы —
И обвел глазищами
четыре
угла.

Царь то пьет, то пляшет,
то глядит в окно.
Липы там поскрипывают, ветер, дождь...
За окном — ничего.
За окном — темно.
Русь во тьму ушла...
А Россию — подождешь...

.
До Кукуй-слободы ветер с города,
Дуй-подуй, ветви вздыбь словно бороды!

Староверская Русь из ночи гляди:
Подпалим Петру ус, да и челяди!
Сам-то! Срам-то: почитай, что тридцать лет,
А ведь пляшет обезьянский менувет!
Ишь, кургузые бояре с Кукуя,
Не по вкусу вам Комаринская?
Не хотим, чтоб православных сыновей
Усылали аж за тридевять морей,
Чтоб под немцами, под голландцами
Русь потоптана была срамными танцами,
Чтоб во храмы — вместо Господа Христа —
Беломраморные черти без хвоста!
До чего же, Русь, на нехристей ты зла —
Аж холопа да с боярином свела!
Сводит месть соболью шубу с кистенем!
Ну-ка, вместе Аввакума помянем!

.

В Новодевичьем пахнет ладаном.
Все монашенки под лампадами.
Где ни кинь — всюду клин,
Хоть зады крести,
Все одно жить Руси
При антихристе!
Эх, стрельцы-молодцы,
Княжьи выкормцы!
Проворонили Петра
Ваших пик концы!
Палкой стукнул, басом цыкнул царь-отец —
И Хованскому и Цыклеру конец!
Вон и плотнички пилы несут,

Татарская, боярская, посконная Москва!
Бороды холеные
Вымочит Нева!

Бой часов —
Звуки менуэта,
Медный звон:
Была-не была...
Царь сидит в токарне, чистит пистолеты,
Пушек бы теперь,
Да меди нету!
Полночь бьет:
Была-не была:
Перельем на пушки
колокола!

Летний Сад.
Всплески менуэта.
Клены собрались на ассамблею до утра,
А из-за Невы
День и ночь, все лето
Ухают
Тяжелые
Удары топора,
И уводят в крепость продолжением аллея
Стройные, как виселицы,
Мачты кораблей.

МАЗУРКА

(или последний бал моего прадеда)

В зале мазурка хлещет с балконов.
Зарево золота в белых колоннах.
Четки античные профили женщин,

Черными птицами кажутся свечи,
Мечутся рыжим пламенем баки —
Мчится в мазурке поручик Бетаки.
Белая роза
на доломане,
Музыка кружит,
музыка манит:
Прочь до рассвета ученые споры,
Росчерком — свет в золоченые шпоры!

Шпора сотрется
В свете сусальном,
Звон обернется
Звоном кандалным,
Белая роза дворцового бала
В белой метели окажется алой...
В легкость мазурки лязгом железа
Врежется медленный гром полонеза:
«В бой
вы пойдете
за
царя...
который раз, который раз
тяжеловесные мелодии твердят
что в бой
вы пойдете за царя...»

.
Всплески мазурки тонут в железном.
Пляска снежинок — в отблесках лезвий.
По ветру яркие ментики мечутся...
Иль вы презрели Царя и Отечество?
В блеске последнем слепнет заря:
«Будет отечество — и без царя!»
— Чорта ль — на площадь? Если угодно —

Можно и проще...

— Неблагородно!

Татем бесславным в вечность не канем!
Сабля скользит по граниту Гром-Камня!
Конь глазом косит — не было б хуже,
Саблю, как косу, точит Бестужев.
Блики на облике облака близкого...
Был он Бестужевым, будет Марлинским.
Всплески мазурки, вьюжной мазурки,
Пули снежинок — в черные бурки.
Скин-ка перчатки, рыжий поручик:
Эта мазурка — без лайковых ручек!
Ядер

горячих

по льду

шипенье...

Скоро ль откликнется Польша Шопена?

Гром.

По Сенатской пушки бьют.

И лед трещит, полурасколотый,

Как будто полонез ползет через Неву...

...Через Неву бы! Солнце над Горным.

Взблеск ли клинков, или выкрики горна?

Лебедь декабрьский, горнист очумелый!

Снег ли? Кровь ли? Красный да белый —

Белые стены, красные лица,

Хлещет мазурка снежной столицей!

.

Цепи наручников на доломанах.

Что же, поручики, нас доломало?

Лавры ль Марата? Пыл патриота?

Или святая болезнь Дон-Кихота?

Мельницей

вертятся ветры российские,
Петли пеньковые, тракты сибирские,
В ритмах мазурки гремят колокольчики:
«Кончено, кончено, кончено, кончено...»
Трупы завернуты в черные бурки.
Мельница вертится в ритмах мазурки!
Снег? Перемелется. Век? Перемелется —
Крутит Россию кровавая мельница!
Горские пули? Кавказские кручи?
Значит — в рубашке родился, поручик!

ТАНГО

Еще война за Ригой где-то и на Марне,
Гниет она иодоформом в желтой марле,
А Петроград в каком-то трансе предкошмарном
Так беззаботно в танго погружен.

Мир черно-белый, словно клавиши рояля,
Заиндевелые решетки на канале...
И хлопья снежные, спускаясь по спирали,
Уже заводят вьюжный граммофон.

На этих днях — шестнадцать лет подростку-веку.
Ему не хочется быть рифмой к человеку,
И стылый воздух на заснеженную реку
С железных крыш сметает лживый сон.

Дворец на Мойке. Электрические свечи.
И перья страуса склоняются на плечи.
И полумаски под прическами лепечут,
О том, что сам Распутин приглашен.

Сникает шорох лакированных ботинок,
Бледнеет бархат и смолкает «Аргентина»:

Пока к заутрене у синего Николы
Бьет танго колоколом голос похорон...

Белой черемухой
Кажутся липы,
Белый мороз дерет
Ветви до скрипа.
Доносят ветры снег
С дальних окраин...
В одном лице сей век
Авель и Каин:
«Смело мы в бой пойдём...»
«Вихри над нами...»
Век — он в лице одном
Феникс и пламя...

...А феникс жареный,
А феникс пареный
В костер заката погружен...
«Аль водки мало?»
«Даешь — подвалы!»
«И грабь награбленное, мать твою в закон!»

Распутин — всё, Распутин — все, Распутин — всюду:
Он в тех же самых бойких ритмах бьет посуду,
И черный маузер, готовый к самосуду,
Висит на поясе, как дремлющий дракон.

Но не поверив, что История ослепла,
Цыпленок-Феникс возрождается из пепла,
И ... крылья складывает — снова камнем в пекло
Под хриплый смех столпившихся ворон.

.

Квадраты черные в кварталах ночи белой.
Углы вылизывал закат осатанелый.

И глыбой алой на Исаакии горел он —
В петлице чьей-то вянувший пион...

В скрипичных воплях ленинградского трамвая,
На каждом такте равномерно замирая,
Танцуют тучи, отсвет пламени стирая,
Но не задев недвижимых серых крон...

Внизу скелет гранитный выпятил недобро
Мосты, как черные недышащие ребра,
И танго мертвое скользит, и пляшет кобра —
Змеиным ритмом век заворужен.

По серым улицам без видимой причины
Ночными воронами шастали машины,
И под конвоем выходили в ночь мужчины,
И до утра опять не спал район...

Над красной жестью крыш неслышными шагами
Крадется танго равномерными кругами,
Влипая в паузы бескостными ногами
Над полутрупом вымирающих времен...

В ту полночь волчью
Век вышел молча,
Чтоб навсегда уйти с земли.
Его поймали,
Арестовали
И на Литейный повели.
Пока не помер —
Двадцатый номер
Ему таскать по лагерям...
Пока не ожил —
Все будет то же,
И там и тут, и тут и там...

От Воркуты до Колымы проходит путь он,
И конвоирует его опять Распутин,

Да танго старое, знакомое до жути:
Опять заел на вахте патефон.

И над землей, как сумасшедшая шарманка,
Неотвратимое, как гусеницы танка,
От самой Праги до Камчатки воет танго,
И машет ворон крыльями погон

Над мертвым фениксом за проволокой крепкой,
Где рубят лес, и где стволы идут на щелки...
А на плакатах, улыбаясь из-под кепки,
Глядит Распутин в зареве знамен!

IV.

ЗЕЛЕНЫЙ ЗРАЧОК

*«...В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву...»*
(А. Блок)

*
**

Когда случается всерьез —
Доверься ветру — он излечит,
Доверься мчащейся навстречу
Реке асфальтовых полос,
Доверься милости берез,
Пусть осень их зажжет, как свечи,
Чтоб в теплый нестеровский вечер
Они гляделись в темный плес.

Когда случается всерьез —
Неповторимость каждой встречи
Впивается, как хищный крик
В тебя... Так пальцы тонких лоз
Кирпич ласкают и калечат.

Когда сбывается всерьез —
Закат над морем бесконечен,
Пусть берег отойдет далече
И лодка вскидывает нос.
Случайно брошенный вопрос
Особой глубиной отмечен,
Залив туманен и беспечен,
И весла попадают врозь...
И ты не замечаешь гроз,
А грозы падают на плечи...

*
**

Г. У.

Летающий парус на ходу сворачивая,
Стремясь к причалу,
Сквозь пену, ветром замороченную —
Возвращаюсь.
Или на полке в купе прокуренном

На дребезжащих скоростях не сплю ночами —
В сквознячных тамбурах, сквозь ночь пропоротую —
Возвращаюсь.

От всех скитаний, от поездов, автобусов, гостиниц
Я возвращаюсь под сень волос твоих исчерна-синих!
Не пес в конурку, не овца в овчарню —
К работе — мастер.

Так, не меняя сущность, обращаются
Актеры к маскам,
Отбросив хлам дотошных мелочей
И декораций...

Почувствовать, что ты — опять ничей, и...
Возвращаться!

И к тем рукам, отлитым из огня
(А с ними так не вяжется их робость!)
И к тем плечам — когда-то для меня
Писал их Рубенс,
Взлетала кисть его, кренясь, как мачта
Под шквалом счастья —
Он знал, что значит работать начерно и...
Возвращаться, переиначивая
Жизнь и картину снова —
А это значит — все только начато:
Неисчерпаемость — в незавершенности
Путей и красок, любви и слова!

ЗАМЫКАНИЕ ВРЕМЕНИ

...А завтра я приду опять
Пустые поезда встречать.

Дождь. Отсыреет мой табак.
Опять — вагонов мокрый лак,

Асфальт платформ, и ртутный свет,
И поезд, и тебя в нём нет...
Платформа ждёт.
Из пустоты —
То чемоданы, то зонты,
И делает пустой её
Отсутствие твоё...

И тот же поезд, и вагон,
И те же люди — на перрон,
И кончик стрелки — тот же круг:
А вдруг...

Но тот же дождь, и тот же свет,
Как будто много лет
Я ожиданье берегу.
Я столько ждал,
Что спать смогу!
Уйду и высплюсь, а потом
Вот тут же встану под дождём,
И та же стрелка круг замкнёт,
И поезд снова тот...

И я стою.
И свет стоит.
И дождь.
И даже этот ритм,
Как будто пущен фильм кольцом:
Начало склеено с концом,
Как будто осужден всегда
Встречать пустые поезда.
А завтра я приду опять
Пустые поезда встречать...

КАФЕ НА ОКРАИНЕ

В. Т.

Кафе на окраине. Легкие стены стеклянны.
Глядимся в их синь — в марсианские телеэкраны,
Пропав, потерявшись, попав на другую планету,
В чужие кварталы, которых почти еще нету.
Оттуда, где каждый трамвай, фамильярно мигая,
Раззвонит, что видел вдвоем нас во встречном трамвае.

Кафе на окраине. В солнечном отсвете медном
Мы смотрим где сесть, на мгновенье у входа помедлив,
И люди, глаза оторвав от тарелок и рюмок,
Глядят на тебя — и светает в их лицах угрюмых.
Свой мир принесли мы туда, где никто нас не знает,
Где впору поверить, что это — планета иная,
И радостно-редки мгновенья таких эмиграций:
Ведь чудом, случайно сюда довелось нам забраться,
Оттуда, где люди и кони, мосты и колонны
Незыблемы, каменны, бронзовы, определенны,
Сюда, где все спутано, смешано, несоразмерно,
Где сверху на избы усталились стекла модерна.

Кафе на окраине. За легкими шторами — краны,
А дальше — калитка скрипит и в окошках герани,
И этой девчонке недолго уже остается
Ходить с коромыслом к замшелому срубу колодца...
И все-таки жаль тополиную улицу эту,
Как жаль вдруг открытую нами чужую планету.
Забор да скамейка сосновая... Что это?

Кони???

Не Аничков мост ли их выслал за нами в погоню?
Укрой нас, наш друг неожиданный,

тайный, случайный,

Деревня в кольце небоскребов,

кафе на окраине...

*
**

Гроза над горами, над нами — гроза,
Рифмуясь с глазами, ослепляет глаза,
В окне занавеску вздувает озон,
И в комнатке тесно любви под грозой!

Фиалковый отсвет в раскрытых глазах,
Локтей озаренных мгновенный зигзаг,
И тьма. И дыханье, как скачка борзой —
Любовь под грозой!

В окне ослепленном то отблеск, то мгла,
В нее озаренно уходят тела,
Чтоб тень на стене — отраженье твое —
Обрела на мгновенье свое бытие!
Сверкает, смещая любой горизонт,
Любовь под грозой!

Порывистый дождь, отрывистый свет,
Прерывистый шопот...
(или шопота нет?)
Но кажется — он заглушает грозу!
Наверно, он слышен в долине, внизу.
Кому наступили мы с тобой на мозоль?
... Всегда в этом мире любовь — под грозой...

*
**

По скорбной дороге к морю,
По черноте предрассветной,
Когда мотыльки ночные
Умрут на остывшем асфальте,
На скорбной дороге к морю...
Не глядя в глаза друг другу
По скорбной дороге к морю,

Когда шевелятся камни
В серых слезах прибоя,
И черные, плоские сосны
Распять, прибиты к небу,
Над скорбной дорогой к морю,
И наши шаги спокойны,
Как метроном прибоя...

Страшно, когда расстаются
За полчаса до рассвета...

КАСПИЙСКИЙ РОМАНС

Ветер упал на город.
И на ковре Бахтияра
Вдруг зазвенели под ветром
Кручёные струны тара...
Медленно звон уходит,
Тонет в басах прибоя,
Медленно — словно холод
Овладевает золою...

Звук от струны оторван.
От костра оторвано пламя.
Ты — у другого моря.
Весь Кавказ — между нами.
И этот звон монотонный
Не заменит скрипа калитки...
Обнаженные к обнаженной
Льнут к тебе эвкалипты.
Зеленым лаская кожу,
Тебя обнимают волны,
И в горы уходит вечер
Незаметно, тайно, безмолвно...

Так ветер уходит от моря,
Так звук уходит от слова,
Так дождинки в зелень ущелий
Уходят от тучи лиловой,
Так серый Каспий уходит
От черной Девичьей башни,
И звон гортанного тара
Уходит в закат вчерашний...

*
**

Вечерами, в переполненном трамвае,
Зыбкий контур отраженного лица,
От вагонного стекла не отставая,
Так и движется сквозь город до кольца.

Там, во тьме — черты пикассовой голубки...
(Бровь одна — чуть-чуть сильнее подведена...)
Рыжий свитер над квадратом белой юбки —
В полуметре от вагонного окна.

Так прозрачно неподвижное движение,
Только алым озаряются зрачки:
Это с ними совместились на мгновенье
Обгоняющей машины огоньки.

Сквозь мельканье окон встречного трамвая,
Как сквозь движущийся сгусток пустоты,
В вечер, в город, пролетая, проникая —
Невредима эта хрупкость красоты!

Слишком зыбко. Невесомо. Нереально.
В полуметре от летящего стекла,
Так спокойна и немислимо печальна
По чертам лица струящаяся мгла,

Потому, что свет в вагоне слишком плотен,
Чтобы так — не улыбаясь, не скорбя...
То ли город за окном наоборотен,
То ли я, в него глядящий сквозь тебя?

КОЛХИДА

В причудливых сумерках черным рисунком
Нависли третичные сосны Пицунды.
Им столько веков, что в сравнении с ними
Медея — совсем современное имя!

Курортники шумно уходят на ужин,
И море пустеет — пусть им будет хуже.
И чорта ль им в том, что для дерзостной кражи
«Арго» швартовался у этого пляжа,
Что эти же сосны глядели, балдея,
На ту, кто была твоей тезкой, Медея!

Но ты, кахетинка, скажи мне, какими
Судьбами — такое античное имя?
Его мои дальние предки слышали,
и буйволы те, что когда-то пахали
Кирпичную почву под зубы дракона,
Огонь выдыхая на панцырь Язона...

Вон этого древнего пламени блеска:
От низкой луны водяная полоска,
Да только вот мне золотого руна —
Не на...

И вовсе тебя похищать мне не надо:
Ведь ты же оттуда, из пансионата?
Там шведы живут и еще итальянцы...
Ну что ты сидишь? Опоздаешь на танцы!

.

Когда-то Жанна...
Есть бесшабашная удаль женщин,
Все в ней знакомо, и все — неясно,
Когда зеленым зрачком помечено
Непостоянство...
Чернея, мокнут нагие клены.
Мелькнет стоянка.
Включишь ты снова зрачок зеленый
Непостоянства...
И я не знаю, кому навстречу
Помчатся разом
Три немигающих зеленых глаза,
Цыганских глаза...

*
**

В. И.

Черемуха пахнет дрожью,
Росой в уголках глаз,
Часом, еще не прожитым,
Который совсем не час;
Соцветия — в белой пене.
Давно отцвело окно:
Ни фонаря, ни тени
За окном не видать давно —
Улица канула.
Минуло,
Наверно, тысячи лет...
А комната — времени мимо?
Или в гроздьях, в букет
Сжалось оно — и по разному
Там, за окном,
и тут?
Веки дрожат и дразнят.
Века лепестков цветут

Белых.

Белее кожи.

Седин небывлых белей...

Черемуха пахнет дрожью

Губ на руке твоей!

ГОСТИНИЦА В ПЕЧЕРАХ

Велосипеды черные — как лица от жары!

Дорога на Печеры — с горы, с горы,

И тормоза грозятся сорваться по косой...

Долой цивилизацию, даешь Руссо!

Песчаные откосы, как звери — корни сосен,

Обмакнуты колеса в нетронутые росы!

Кощунство здесь — моторы! Крути педаль!

Дорога на Печеры — вдаль, вдаль...

.

О ночь, как пчельник, прячущийся в тебе или во мне,
гудит!

О, руки, руки зрячие в горячей тьме!

О, ночь, глаза азартные в разлете лета!

А завтра — пусть базар меня разбудит до рассвета!

А завтра, завтра помнится, окно раскрыв —

Впущу я ветер в комнату, предутренний порыв,

Сбегу по шаткой лестнице в базар, в базар,

А ну-ка вишен взвесь-ка мне, базар, в рюкзак!

По пестрому булыжнику, остывшему в ночи,

Скольжу, как на лыжах...

— Бери-ка на почин!

Ну что за вишни!

Скрипят корзины,

Сиреневый булыжник

В пятнах кармина!
Вот так картина:
Заглох мотороллер,
Юнец на ясу черную
Себе сметану пролил!
Базар в Печерах, базар, базар...
Свалился сена ворох — и тут как тут — коза...
А у толстой бабки — яблоки моченые,
Огурцы да яблоки... Эй, почем они?

.

А ты еще спишь на втором этаже вот за этим окном,
Что пронизано светом, тонким, как спицы
От велосипеда...
Что тебе снится?
Бормочешь? О чем ты, подушку смяв плечом,
В гостинице в Печерах... О чем?
И не проник в тебя еще сквозь дрему пробуждающим
Неповторимым голосом базар, базар...
...Пусть рядом с гладиолусом откроешь ты глаза!
Он на твоей подушке,
Лиловый, росистый,
Без запаха, не душный,
Болотный, российский...
С лепестков крученых росу облизать...

Гостиница в Печерах.
Внизу — базар.

Проснись — погладил волосы, никак не просыпается...
С лиловых гладиолусов росинки осыпаются,
Прохладные, рассветные, так преломляют свет они!

Набрызгаем на стол росы — и снова путь искать идти.
Оставим гладиолусы на этой жесткой скатерти?
Оставим эту комнату за толщиной стен метровою,

Кровать никелированную и лепестки лиловые,
Увянуть обреченные — оставим в этой комнате,
в гостинице в Печерах:
Пусть свежими нам помнятся, как тем, кто их срезал:
Их стеблями подчеркнут
Ничем не омраченный
Шальной ночлег в Печерах
И утренний базар...

ЗЕЛЕНЬКИЙ ЛУЧ

- Послушай, а может быть это — зря?
— Что?
— Неожиданно брошенный город, брошенные дела, по со-
вести говоря...
— Молчи! Там светились в ночи озера, озера, похожие на
морья!
— Скажи, ты мечтал о полумраке кают? От всех закрыться
мечтал?
— Молчи! До отплытия за пять минут я сам ничего не знал...
— Но послушай... когда ты поднялся по трапу,
она опять была рядом с тобой?
— Да.
— Наверно, она стояла у борта, и волосы свешивались над
водой...
— Очень темной была вода...
— А там за озерами русалки поют?
— Поют... но были так плотно задернуты занавески
в квадратных окнах кают,
что мы не слышали, как русалки поют на островах меж
лобастых круч...
— А правда — люди там боятся и ждут, что вспыхнет
Зеленый Луч?

- Да...
- А луч — был?
- Да. Зеленый и тонкий. Цвета просвеченного листа.
- А ветер?
- Что — ветер! Он валялся в забытых шезлонгах,
когда палуба была предрассветно пуста,
когда над самым флагом кормовым сносило узкий дым,
и плащ срывало у нее с плеча...
- Но перед рассветом так холодно на палубе...
- А рассвет — как поворот ключа!
- Ты что-нибудь говорил ей тогда, на палубе?
- Тот, кто говорит — не увидит Луча...
- Но зачем тебе этот Зеленый Луч?
- Не знаю... Лучше не мучь
меня вопросами... Говорят, что это — меч, а не Луч...
его называют Мечом Голода...
- Нет, он зовется иначе...
- Но его называют Мечом Голода!
- Нет, это луч удачи:
моряки говорят, что всё нипочем корбалю, который
прошел
под Зеленым Лучом...
- А вот поморы твердят, что не будет улова тем, кто пройдет
под Зеленым Лучом, что карбасы пустыми вернутся, и
снова уйдут...
- Да о чём ты?
- О чем?.. Ах, да — его называют мечом... Мечом Голода,
и чем зеленей, тем злей...
- Но зеленое никогда не сулит голода...
- А если — по ней?
По ее глазам, по ее плечам... А впрочем, не верю
никаким лучам:
- Я видел сосны и валуны
Едва ли выше волны,

- Я видел воду, а где-то за ней
Плоский, как блин, один —
Островок деревянных церквей...
— А ты в них входил?
— Входил.
— С ней?
— !

Мудро пусты, лесисто пусты
Северные скиты,
Узкий, как лезвие, свет из окон,
И никаких икон,
И никаких алтарей внутри,
И никаких колец,
И в щели — звезды, как фонари,
Да совсем не зеленый лес
ночью...

- Ну, а Зеленый Луч?
— Не знаю... Лучше не мучь...
— Ведь его называют Мечом Голода?
— Нет, он зовется иначе.
— Но его называют Мечом Голода!
— Нет, это — Луч Удачи...
— Так правы моряки?
— Не знаю. Молчи.
— Или правы поморы?
— Не знаю. Молчи... Но мне никогда не найти ключи
От всего, что было в озерной ночи,
От рассвета, от этих округлых рук,
От горизонта, замкнувшего круг,
От пенья русалок, от тесных кают,
От ветров, что в борах над скитами поют,
И от того, что удача всегда
Почти то же самое, что беда.

Ступеньки лестниц — как слова.
Дверей старинные права —
И город — вне игры!

Чужой, едва знакомый дом,
И сдвинута на край
Подушка, смятая плечом,
И — низкий столик. И на нем
Светящийся глухим огнем
Стекло-рыжий чай.

И небу в окне не спится, и небо в окне томится,
И ни оно ни ты
Не знаете, чем разрешится
Настойчивость духоты.

Крыши еще сухие: ветер зубрит азы...
Смещаются мостовые в контрастном свете грозы!
Контрастный свет ожидания:
Как сфинксы — дальние зданья и яблоки на столе,
И... что еще в этой мгле?

Город под объективом — мгновенен, как синий взрыв
Съемки.

И — ливень, ливень — в каменные дворы!
Небо дождем истекает.
(Пóтом?)

Двери внизу —
Зуб нá зуб.

Ложки в стаканах вызванивают грозу!
Окна в штриховке черной —
Зачеркнут сфинкс!
Милая! Зачеркнут... О чем ты?
Спи...

ШАГ ТРЕТИЙ

Всего-то: прибалтийский пляж,
И над водою — гам.
Мой байронический апаш,
И ветерок, входящий в раж,
И лес, еще совсем не наш,
И вереск по ногам.

Да электрички дальний вой,
Да близкий блеск кольца...
И пальцев перламутр живой,
И плечи тронуты травой,
И у меня над головой
Свет твоего лица...

Однажды ведь было это:
Ступая по теплой хвое,
Ты медленноходишь в лето.
Еще видна за спиною
Весна...

Находим — теряя.
Прошрое вроде пляжа,
Где не пройти меж тенями, не задев ни одной, и даже...
Ступаем ведь не по тени:
Себя — которые завтра —
Только ценой потери
Находим.

Как в сене булавку
Среди трухи, среди тысяч травинок сухих прошлогодних
Друг друга по отблеску ищем,
Себя же теряя, находим —
Под гул аккомпанемента, шпицрутены взглядов —
сквозь строй
Болтающих вдохновенно только о нас с тобой!

Прибой заглушит их. А помнишь — фарой перст утыкая,
Носилась «скорая помощь», набитая языками?

Ни находки у них, ни потери, у тех, кто когда-то сами
Постояв у запретной двери, поныне локти кусают!
И еще — норовят изранить, пока идем мы с тобою
По самой зыбкой из граней — по грани песка и прибоя,
Наступаем на кружево белое...
Болтуны, что за приступ штиля?
Или просто им надоело? Просто — отговорили?

А нам еще целую вечность, утоая в песке, как в сплетнях,
Ступать, обжигая кожу,
По себе, по семнадцатилетним, и по тридцатилетним тоже,
По прошлому, через «больно», только в себя веря...
Себя теряем, но большее находим взамен потери!

Гул моря в ушах. Свободны! За горизонтом судно...
Плечи твои — солнцу, только солнцу подсудны!
Из снегов прибоя мгновенных три шага — и в самое лето!
Вскипает морская пена...

...Гомер, когда же всё это
было?..

V.

ОТКРЫТИЕ ОТКРЫТОГО

Слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах и дух рассеется, как жидкий воздух!..

(«Премудрости Соломона» 11,2)

*«Грааль скорбей несем по миру мы,
Изгнанники, скитальцы и поэты.»*

(М. Волошин)

*
**

М. Юдкевичу

Живем! И — вопреки тому,
Что каждый хан плетью нас бить велит,
Мы, скоморохи и мыслители —
По недосмотру? По чьему?
Живем, уже который раз
Ломая и храня традиции:
Вон в Роттердаме жив Эразм
По недосмотру инквизиции!

Во славу глупости живем?
Во славу шутки? Шутка злая...
И аккомпанементом лая
Нас провожает каждый дом.

А впрочем, как-то грянул гром
По недосмотру Николая:
Ведь он такого не хотел!
И все-таки всему есть мера,
И кто-то где-то уцелел
По недосмотру Робеспьера!

А те, со складочкой у рта,
Всевидящие и всеведущие,
Не могут сами ни черта
За миром уследить:

заведующие

Отделами у них ленивы.
И стукачи и палачи
Халтурят!
Потому и живы
Цветы и книги! Хоть кричи!
Костры? Но было их на свете

Не меньше, чем имеет ад —
А рукописи не горят,
Как Воланд некогда заметил.

.

Все движется? Ах, беспорядок!
Как древле Иисус Навин,
Сказать бы солнцу: «Эй, застынь,
Замри!» (Игра, так, вроде прятки...)
Но нет!
И фараонов зля,
Наличьём думающих тварей,
По недосмотру канцелярий
В пространстве вертится Земля!

ARS POETICA

В. В. Вейdle

На планете поэзии между двух полюсов —
Два болота, два месива: для «детей», для «отцов»;

Белый полюс и черный, мраморный и конфетный,
Гениально-никчемный, и бездарно-газетный.

То сбиваю подошвы о булыжник бесплодный,
Об идеи опошленные и дежурные оды... То —

Как в трухлявой доске тесак, я торчу по колени
В море жидкого скепсиса голубых поколений!

Слева — пестрая пустошь, справа — розовый лак.
Слева — сноб от искусства, справа — просто дурак.

На планете поэзии не ходи к полюсам:
Полюса бесполезны, не расти там лесам.

Слева — моды подлатанные, справа — взвизги «уррра»...
Но идут по экватору мастера, мастера...

*
**

Г. Горбовскому

Слова скованы, но звуки еще свободны.
(Бетховен)

Бетховен в подвале
играет сегодня.
И свечи устали,
и пиво не подано;
и девки в передниках и алкаши
молчат,
 обретая частицы души,
молчат, как столы,
как кирпичные своды,
как стены сырые,
как прошлые годы;
и трубки погасли,
как пыл драчунов,
как магия каст
или пыльных чинов.

Бетховен сегодня играет в подвале,
чтоб кружки на досках в ответ дребезжали!
Он молод.
И нет рокового вопроса,
ни гривы старинной,
ни длинного носа,
ни славы,
ни Эгмонта,
ни глухоты:
и он не с Историей — с жизнью на ты!

Салоны и залы,
Певцы и старухи,
Все, кроме подвала,
к нему еще глухи:
ни слов нет,
ни злобы,
ни нас —
ничего!
Оглухнет — тогда и услышат его.
Услышат и те,
кто вовек не бывали
в пивном и срамном и безвестном подвале,
где свечи оплыли, скамейки — вверх дном,
в подвале,
причастном тому,
что потом
колонный пролёт назовет гениальным,
тому,
что осталось, как было, подвальным,
подпольным, подспудным,
тому, что...
Лежи
в неясных глубинах, чуть ниже души,
пока не обвалится
свод преисподней...
Бетховен в подвале играет
сегодня.

КАМОЭНШ

А. А. Щ.

Киль раскололся. Теперь — пора...
А шкипер ворчит, как все шкипера.
(Последняя шлюпка — рывком — и прочь!)

— Ну вот и остались вдвоем
Вы, да я, да синьора Ночь...
Не угодно ли с кораблем?

**Плывет Камознш,
Одной рукой
Подняв поэму
Над головой.**

— Да бросьте ваш свиток! И, может быть
Поможет Святая Дева.
Вы что, синьор, хотите доплыть
Одной левой???

Бросьте, прошу Вас, море не куплет!
Хотите тонуть? Не спорю...

.

Сотни лет
Или тысячи лет,
**Одной рукой загребая, поэт
Плывет по этому морю...**

ОСЕННЯЯ СОНАТА

В. Сосноре

1

В сумерках желтых в шуршащих аллеях
Листья алеют...
В желтых туманах, в желтых тоннелях,
в желтых метелях...
Листья — как мысли, каждый — как слово:
Свежим сухое не сделаешь снова!
Не вместе ли с листьями бестелесными
Мы, по осенней незримой лестнице

Сами, словно касание
В желтый туман ускользаем?...

2

Листья лимонные, зелень — сквозь золото,
Листья лиловые, листья тяжелые,
Листья — как пестрая разноголосица:
Каждый в неповторимые просится!

Так мотыльковы листья осины,
Ивы белеют в искорках синих,
Царственно щедро медные клены
Серым кустарникам дарят короны.

Хмурого дуба темная бронза
Падает тяжело, больно и грозно,
Падает каждый, как падает знамя!
Так не однажды бывало и с нами.

Все отплясались истины, бредни —
Липы остались. Пляшут последними.
Липы хвостами лисьими машут,
Липы устали, липам не страшно...
Да над банальностью луга и лужицы
В вихре венгерки орешники кружатся...

3

Долгое лето — лишь подготовка
К яркому мигу, острому мигу:
В апофеозе пестрого мира
Мы, отыскав небывалые краски,
Все отдаем их в единственной пляске,
И остаемся, словно стволы:
Где-то черны, где-то белы.

*
**

Я вижу музыку порой
Геометрично, осязимо,
Так, будто бы неверность дыма
Вдруг обретает жесткий строй!

Необъясним аккорд Равеля —
Зеркальный отзвук тишины.
Над ртутной тяжестью волны
Горизонтально он расстелен;
Волна? Частица? Странный шаг:
Чем ближе он, тем отдаленье
Бесспорнее.

У поколенья

В крови звучит он — не в ушах.
Кровь тяжела и неясна,
Как настроений перемены...
Пустынных горизонтов стены
Дрожат,
Когда в них бьет волна.
Бах... Высший рационализм.
Готических соборов латы.
В диезах стрельчатой токкаты
Математический каприз.
Он не влезает целиком
В концертность нынешнего зала:
Сломалась вертикаль хорала,
Придавленная потолком.
А если так — без потолка,
Чтоб только небо над органом?
Но в нашем климате туманном
Ему мешают облака.

ДИНОЗАВРЫ

А. Б.

Когда Земля была молода,
У истоков реки времен
Мир динозавров раз навсегда
Свой утвердил закон:
Ящерам — суша, а рыбам — воды.
Несчетные тьмы веков
Они были очень могучим народом,
Владыки материков.
В зеленых болотах, в рыжих саваннах
Никто им не докучал,
Казалось, владели землей первозданной
Они с начала начал...
Но вдруг с богами древними рядом
Возникла иная жизнь —
Серые, как штурмовые отряды,
Полчища жалких крыс...
Тем ли, кто прячется в норы под камнем,
Первенство уступить?
Ящеры не читали «Гамлета»,
Но предпочли — **не быть!**
Скоро поняв, что юрские грозы
Уносит времен река,
Они умирали, как паровозы
Толпой во тьме тупика.

Не в силах выстоять против течения,
В мире серой возни,
Отвергнув мелочность приспособленья,
Молча ушли они!
Они — динозавры! Не черви, не рыбы!
К миру серых врагов
Они приспособиться тоже могли бы,
Но это — не для богов!

Крысам — суша, а рыбам — воды.
Но главное — что-то своё!
Они были очень гордым народом
И выбрали — небытие!

НЕМНОГО О ДОНКИХОТСТВЕ

1

Скачет рыцарь из Ламанчи
По Кастилии скалистой
Дать колодникам свободу,
Хлеб голодным, дом бездомным —
Справедливость! Справедливость!

Триста лет по разным странам
Скачет рыцарь из Ламанчи,
Только мельничные крылья
Над бесплодным плоскогорьем
Равнодушно вертят жернов
И отбрасывают в лужу
Справедливость, справедливость...

Слово словом остается:
Пожелания благие
Никого не накормили,
И колодники в колодках,
И бездомные бездомны —
Справедливость, справедливость...

Скачет рыцарь из Ламанчи
Бесполезно одинокий...

2

Скачет рыцарь из Ламанчи,
По местам давно знакомым —
Ни лесинки, ни травинки!

Только старые бутылки
Да протертые покрышки
От каких-то самосвалов.
Ни плетня и ни колодца —
Дьявольски пятиэтажно
Легендарное Тобоссо...
Дульцинея, Дульцинея...
Вместо скрипок — радиолы.
Бабы — куклы из журнала.
Где теперь тебя найду я,
Где блестяшь нейлоном мертвым,
Извиваясь в адской пляске?
Дульцинея, Дульцинея...
Где вы, люди? Что случилось?
Этажей у вас до чорта —
А бездомные — бездомны.
Вас машины накормили?
Хороши по воскресеньям
Синтетические вина
Из пластмассовых порронов?
И колодников не видно —
А по городу гуляют
Непонятные фигуры
И записывают что-то...
Дульцинея, Дульцинея...

3

Памяти Э. Ростана

Где старый Санчо? Он давно
На пенсию уволен.
Играет с кем-то в домино
И, кажется, доволен...

А я и славы не ищу:
Гореть мне неохота.
Через границы я тащу
Оружье Дон-Кихота.

По кучам свастик, лун и звезд,
И прочей фурнитуры,
Орлам и львам — ногой на хвост,
Через щиты и туры,

Сквозь марши, гимны, барабан,
Чиновные рогатки.
Тащу мешки в пределы стран
Тех, где не всё в порядке.

И пусть в ночи чуть слышный свист
Кружит над сонным светом —
Конечно, я — контрабандист,
Хоть и зовусь поэтом!

САРАФАНЫ

В музейном свете слабым,
За рамой — как в окне —
Малявинские бабы
Алеют на стене.

Миткалю или ситцу?
И радугу-лисицу —
Как лето в бабьи лица!
И — зори по плечам!
Пылают сарафаны,
Трещат
По швам:
На медных самоварах

и вьются синие тропинки
под красным блеском каблучков
а снег зеленовато-алый
звонит российской пестротой
люблю
языческий и шалый
московских маслениц настой...

*
**

Е. Эткинду

Собака нюхает солнце.
А с крыши — мартовский сок
Из-под сосулук.
Собака нюхает солнце,
Закрыв глаза и вытянув шею.
А под корой березы от корня до почек
Мартовский сок бродит.
Смотрю на жесткую бахрому сосулук,
На почки березы,
Глажу собачью спину ладонью...
Кто мне вернет
Ощущенья сосулук, истекающих стуком капли,
Ощущенья березы, в которой сок бродит,
И ощущение собаки, которая нюхает солнце?

*
**

А. Сорокину

Разъезд Водопадный. Ночное купанье.
В кипенье прибоя — людское кипенье.
В трусах проводник пробежал по вагону —
И — дверь нараспашку, на воздух соленый!
Священная жажда вечерней прохлады —

Летят из вагонов людей водопады!
Кипенье людское под белой луною,
Купанье ночное в кипеньи прибора —
А рядом — ущелье и мостик железный.
Башку задираешь и смотришь из бездны:
Ревет белозубая пасть водопада
Как эхо столетий, как эта баллада,
И в скалы, в их самодовольство тупое
Вгрызаясь,

сшибается с пеной прибора,
А ветер взмывает дыханье сырое
И радугой лунной дрожит над горою,
И люди охвачены шумом и жаждой...
А радуга?
Радугу видит не каждый...

С прибором сражается вал водопада —
И — пена на пену — кипит Илиада,
И катится вниз он, и взлета не просит,
Песчинку к песчинке — он горы уносит!
Незыблемость камня — пустая бравада!
Работа — в паденьи! Не надо парада!
Фонтанов безделье — подобие взлета,
Лишь водопаденье свершает работу!
На брызги дробимся. Веками, веками
Грызём по крупинке мы косность и камень,
Грызём незаметно, грызем неустанно:
Поэт, водопад — антиподы фонтана!
Стихами стихию грызем наудачу —
Иные столетья измерят отдачу!
А нам остается терпенье, терпенье,
Мы дышим гаданьем и жаждой, и жаждой...
А пена? Но пена есть признак кипенья.
А радуга?
Радугу видит не каждый...

*
**

...Между монголов и Европы...
(А. Блок)

Что там Киев ли, Псков ли,
Петербург ветровой?
Азиатская кофта
Распестрилась Москвой!
Где Ганза Новгородская,
Где лихая Литва?
Азиатской рожею
Обернулась Москва!
Рождена под татаринном
Захмелевшей мордвой...
Вращена в перегаре
На базаре; кривой
Саблей машучи в поле —
Изрубить для костра
Новгородскую волю
И Россию Петра!

Ведь восточная глотка
Породила слова:
Калитва, Тотьма, Потьма,
И Мордва и Москва!
Захмелели Хамовники,
Захирела заря,
Ибо — в Кремль уголовники,
А князя — в лагерь.
За придумку заплачено
Честной кровью сполна...
(Ты же, Господи, ведаетшь
Наши все имена!)
Кто с собой в поединке —

Тем пора выбирать:
Есть — орда и Ордынка,
Есть — крестовая рать!
Жирной хитрости хана
Враг — варяжская честь!

Да от ковра и аркана
Трудно душу отскресть...

*
**

Из варяг в греки — звоните:
Пути нет!
Да и телефонные нити —
В паутине...
Как ладьям, где ни реки ни волока?
Пути нет...
Только провода, сволочи —
По плотине...
В тряпки парус выкинул,
Сломал весло.
Неуютно викингу
«Херсонес, алло!»
«Не туда попал ты!» —
Кричит век.
(Мокрые асфальты —
И нет рек...)
«Наберите снова...»
(Где там — челнам:
Не пройти и слову
От вас к нам.)
Облака навалены
На провода...
«Не туда попали вы...»
Не тогда...

*
**

Костры у моря бесшумно-факельны,
А из транзистора плывет цыганщина
Скользя над лайнерами и кефалями,
И что-то в людях переворачивая.

Два бородатых, девчонка в шортах
У камня с датой постройки порта,
И словно маки в мирах бетонных —
Костры у моря, цветы бессонных.
Девчонка палкой в огне мешает,
А над кострами — прожектор шарит,
Но мягко светятся, с ним не споря,
Сквозь синий конус костры у моря.

Что с ними делать? Век смысла ищет.
В одном лице он и принц и нищий,
И марсианству лабораторий
Растут контрастом костры у моря.

Так в этом шепот забывшем мире,
Дал берег место наивной лире —
Чтоб черно-желтые электроночи
Внезапно вспомнили о рифме «очи»,
И раздробился вновь пожар истории
На одинокие костры у моря.

Костры у моря с их тихим дымом.
Опять цыганским несет интимом,
И никуда теперь не деваться
От звезд, спустившихся до акаций,
От шума листьев по камню лестниц,
От звуков низких чуть слышной песни,
От полупшепота в разговоре,
От неизбежных костров у моря!

*
**

Анатолию Сорокину.

Это песнь нетерпения.
В толще снежных времен
Дохнут с голоду гении,
Не оставив имен.
Исчезают у времени
Подо льдом в полынье...
Имена и творения
Вдруг всплывут по весне...

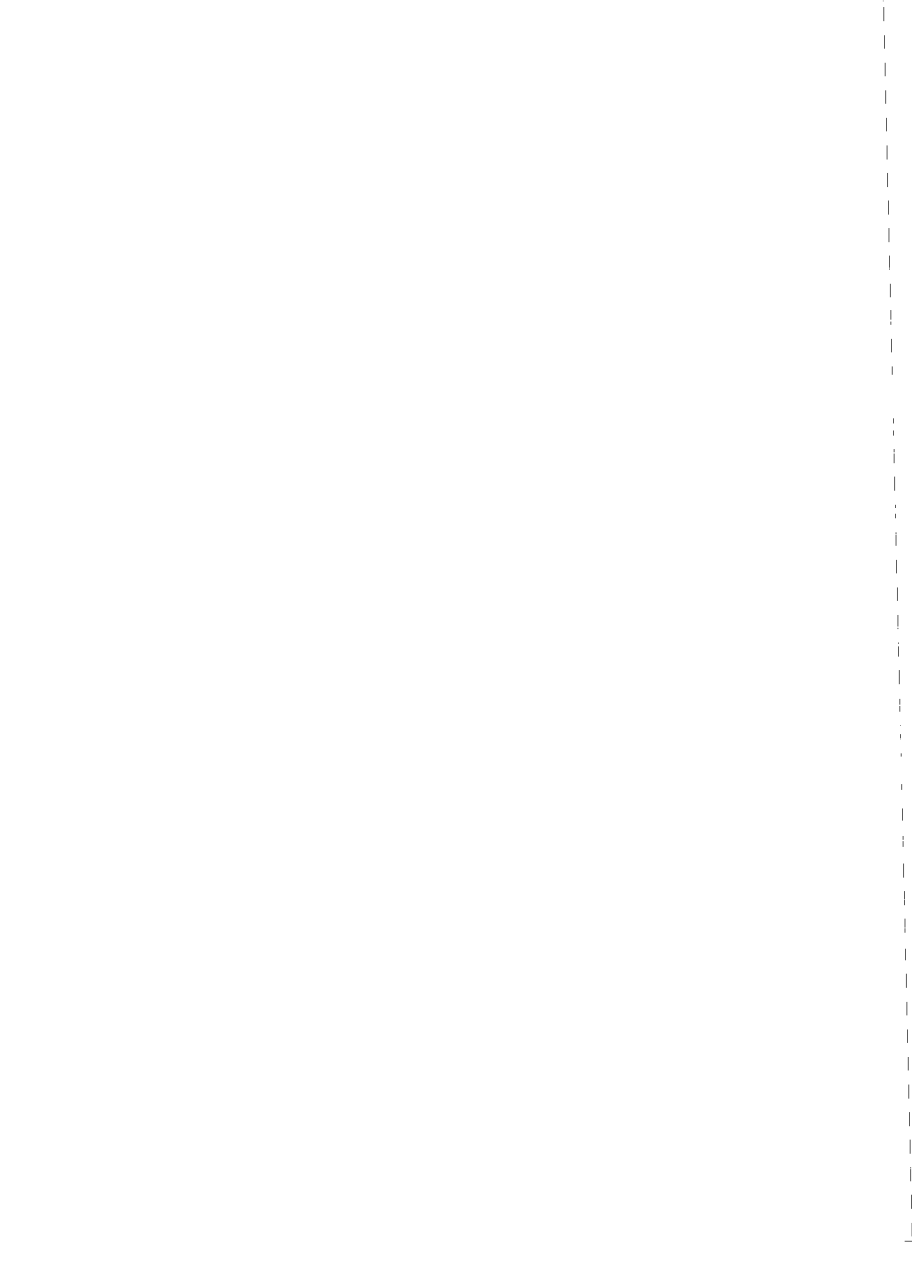
Это — песнь нетерпения.
Сохрани, сохрани
Хоть намек на движение
В ледниковые дни!
Пусть и глохнем, и слепнем,
Только б голоса медь
Не исчезла бесследно:
Нам нельзя онеметь,
Ибо высшая мера
Для тебя уготована
Слепотою Гомера,
Глухотою Бетховена.

*
**

Уже осенних песен столько спето —
Колелеет землю свист.
Уже приходится по два поэта
На каждый лист.

Осенними и серыми утрами,
Сухих, как трут,
Сгребут их брякающими граблями —
И в кучах жгут.

Так золотое слово станет сором,
Золою — речь...
Вот листья все пожгут, и будут скоро
Поэтов жечь...

VI.

МЫ ВСЕ ШУТЫ...

«Век вывихнут, но вывихнут и я...»
(Д. Байрон)

ПЕСНЯ ШУТА

из несостоявшегося спектакля.

Говорят, что шуты — несерьезный народ,
Говорят — среди людей по мозгам в легком весе я,
А получается — наоборот,
Ибо я — шут по профессии.

Кто имеет бубенчики над головой,
Тот отличен от всех в человеческом месиве:
Хоть колпаком, но торчит над толпой,
Ибо он — шут по профессии.

Если ждешь холодов — надеваешь пальто,
Если маску надел — ожидаешь репрессии...
Роли шута не минует никто,
Кроме ... шута по профессии!

*
**

В. Т.

Чужие веку — живут впустую.
Питомцы века — как муравьи.
А я — дружу с ним и конфликтую,
Но мы сочтемся, мы с ним — свой!
Я вижу тризны — он просит клизмы...
Но он не сделает меня прагматиком:
Я слишком чувственен для скептицизма,
И слишком скептик, чтоб быть романтиком.
Живу отчаянно и свободно... Но —
Балбес Двадцатый, ну сделай милость:
Пусть случится... да что угодно,
Но лишь бы что-нибудь да случилось!

БАЗАРЫ

1. Е р е в а н

«Салаты, шпинаты, чеснок и киндза —
берите, чего пожелают глаза!
берите петрушку, укроп и рейхан —
баран без приправы — совсем не баран!
Скорей открывай мне окошко, мой свет —
я дам тебе лучший на свете букет!
Что — розы-мимозы и всякий бульвар!
Нет в городе места важней, чем базар.
На свете прекраснее зелени нет,
Кто ею торгует — живет двести лет,
А если умру — положите мне в гроб
Салат и петрушку, киндзу и укроп!»

2. Р и м

Ночная ярмарка в Трастевере,
И мостовые — как паркетты...
— Синьор, кто может жить на севере?
— Синьор! Отведайте поркетты!

Поркетта разлеглась кокетливо.
И, хоть оскал ее коварен, но
она — свинья. Она приветлива.
Она на вертеле зажарена...

*
**

Ф. Ярошевскому

Замок Ангела стал музеем.
(I-ый век и XX-ый — квиты!)
Стали кошками львы Колизея,

Итальянцами стали квириты.
Итальянцы бастуют лихо,
Кошкам носят еду старушки,
По музеям ржавеют тихо
Гладиаторские игрушки...
Все руины пристойно прибраны,
Всё на месте: и пицца, и пьятца...

Но когда засыпают римляне —
Львы по крышам уходят шляться.

ТРОЯНСКИЕ МЕЛОДИИ

1.

Опять — сведенных жаждой губ
Дрожащие углы,
На каждом новом берегу
Сжигаешь корбли.

Кострами прежними спина
Давно опалена,
Но неоткрытая страна
Опять зрачкам нужна.

И обойдя вокруг земли,
В какой-нибудь из дней
Наткнешься вдруг на горсть золы
От первых кораблей...

2.

Ахейцы разрушили Трою.
И это стало причиной
Бездомных скитаний Энея,

Известного всем троянца,
Сбежавшего, и между делом
Основавшего древний Рим.

Так в результате агрессии,
Троянских коней, бомбежек,
Напалма, и всяких прочих
Веселых вещей, о которых
В гомеровом репортаже
Упоминается глухо —
Под самым боком у греков
Образовался Рим.

А ликторы в Риме носили
Топорик и связку прутьев,
Которые, между прочим,
Именовались фасций.
Но утверждать не станем,
Что этот хворост явился
Единственной причиной
Возникновенья фашизма —
Это, скорей, деталь...

А в Риме были Нероны,
Доносы, ссылки Овидиев,
Возглас «Хайль, Император»,
Лошадь — парламентарий
И штурмовые отряды...
(Но утверждать не станем,
Что главной первопричиной
Была красота Елены —
Это, скорей, деталь...)

Семь лет проторчал под Троей
Экспедиционный корпус.
И если принять во вниманье
Высказыванья Терсита,

Ахейцам самим операция
Порядком осточертела...

Ахейцы спалили Троию.
Но это уже деталь...

3.

Кассандра предсказала гибель Трои,
А люди ей поверить не могли,
Пока на глубину седьмого слоя
Лопаты не проникли в грудь земли.

О, здравый смысл! Все, что необъяснимо —
Пожмут плечами и объявят — «вздор!»...
Кассандра предсказала Хиросиму —
А люди ей не верят до сих пор!

4.

Ни ахейцы, ни троянцы
Мне ни хороши, ни плохи:
И ахейцы и троянцы —
Сыновья своей эпохи.
Я бы всем им в меру выдал
И презрения и славы,
Потому, как в этих битвах
Все и правы и неправы.
Мир мудреет — но поныне
Не дорос до Одиссея:

Мир — как сам Приам наивен,
Мир — как Марс прямолинеен,
Что простительно Гомеру:
Ведь ни за какую плату
В век восьмой до нашей эры

Не поехал бы Филатов. *)
Ну а мы-то не слепые!
Ведь во славу всей Европы
На луне любой булыжник
Наблюдаем в телескопы!
И в себя взглянуть не прочь мы,
Но категорично прежде
Всех на чистых и нечистых
Разделяем по одежде:
Тот — ахеец, сей — троянец,
Тот — святой, а этот — шельма!
...И глядим в людские души
Сквозь гомеровские бельма!

INFERNO

(или черная металлургия)

Череповецкий комбинат. 1970.

По лестнице крутой, железной, винтовой
Опять спускались мы, а свод звенел стеклянно,
И где-то исчезал у нас над головой.

Внизу светилась тьма и пахло очень странно.
«Как видно ждет гостей сегодня Вельзевул»,
Шепнул вергилий наш, и нечто из тумана

Как чайник выплыло — и тек чугунный гул
Оранжевой струей в стотонные стаканы,
И лязгнув, тепловоз их тихо потянул.

А где-то там гостям их подносили краны,
Качая и гремя. И черные крюки
Ползли с жужжанием под крышей ресторана

*) Знаменитый хирург-офтальмолог.

Над тракторами, что как желтые быки
Рогами длинными нацелились на стены,
Чтоб в окна круглые воткнув свои скребки,
От шлака грязных душ освобождать мартены.
И дальше мы пошли, где в узкие ковши
Незримый кто-то лил, мрачней постепенно
Искрящуюся сталь неведомой души.
И брызгала она, и словно звезды, искры
Пучками разлетясь под чей-то злобный шип
На касках дьяволов краснея, гасли быстро,
И на кирпичный пол лиловой пеной шлак
Нелепо плюхался, как неудачный выстрел.
Вдруг разом заревел весь дьявольский кабак,
И некий ловкий чорт, прервав свою работу,
Вдоль рельс помчался вдаль, где что-то взвыло так,
Как будто Молох в рог сзывает на охоту
Все силы адские без рангов и чинов.
Но черти у печей стояли, ни на йоту
Не сдвинувшись... И смолк истошный вой рогов.
И дальше мы пошли, туда, где с лязгом крабы
Десятками клешней тянулись с потолков,
Хватая слитки душ, расплющенные в слябы,
И уносили их в сиреневый туман,
Слегка клубившийся и уползавший слабо
Туда, где взрывкивал, звеня, прокатный стан.
И в жерло узкое с каких-то транспортеров
Шла маршем за душой душа под барабан.
И черная река их выносила скоро
Из устья рыжего, а круглые катки
Подхватывали их безжалостно и споро,

И с грохотом они скользили вдоль реки,
Потом под черный вал раскатисто и ало
Затягивали их чугунные валки,

И каждая душа оттуда выползала
Раскинув веер искр, расплюснутой, как блин
Тысячеградусный, не потеряв накала...

А наверху сидел, следя за ней один
Суровый Люцифер, меж кнопок и верньеров.
Свой трон вертящийся, душ грешных господин

Слегка раскачивал; а руки Люцифера,
Как руки Рихтера, по клавишам пляша,
Решали для души расплющиванья меру.

— Так. Что теперь идет? — Бумажная душа.
— Пускайте на рольганг, но только — чтоб без стона!
(И на себя рычаг подвинул не спеша)

... — а прокатав, скрутить в подобие рулона,
и вновь отжечь ее в стакане Сатаны!»
Из трех подобных душ составила колонна,
И были их ряды вдали еще видны...

БАКИНСКАЯ БУХТА

*«Auf die Berge will ich steigen
lachend auf euch niederschauen...»*

(Н. Heine)

Тут бродячих собак под навесом полно,
И морская вода попадает в вино,
На дюралевых ножках, как на сваях столы.
И читает стихи мне Ага Лачанлы.

И звучит надо мной ритм газели двойной,
И я слышу, что он в самом деле двойной,
Что его повторяет белесый прибор
И закат, оттененный иранскою хной.
И неправдоподобно-восточной стеной
Дворец ширваншахов торчит за спиной...
Этот берег стихов чем-то душу томит...
С ним когда-то на ты говорил Низами,
И хоть здесь лишь в стихах ты найдешь соловья,
И ни дня не бывает без ветра —

но я,
Злостный враг буколических бредней Руссо,
Если жизнь обернется такой полосой,
Что тошнить меня станет от всех корректур,
От почирканных зеброобразно страниц,
От критических морд и начальственных лиц
(этих, чей карандаш по стихам — как Тимур
трупы слов оставляет и яростных птиц
на полях — чтоб в мозгах был налажен ажур)
Если тошно мне станет от серых фигур,
От солидных очков, от ладоней-мокриц,
От ровесников лысых и крашенных дур,
Изрекающих плохо срифмованный вздор,
Опускающих с хлопаньем шторы ресниц,
После взглядов, пронзительных, как фотоблиц —
Гейне в горы грозился, ну а я уж сбегу
Под изодранный тент на морском берегу!

ХЛЕСТАКОВ

Нет, в городке его никто не ждал.
Он сам себя не ждал в подобной роли.
Мы все порой бывали поневоле
В чужих ролях, но не всегда скандал

Нас в этих случаях сопровождал,
Хоть мы не меньше чепухи пороли,
Но нехватало нам, как видно, соли,
Которую ему сам Гоголь дал:

Так мы бесцветно, так мы пресно жили,
Что даже ругани не заслужили
В благословенном царстве дураков,

Где ни на грош ни славы, ни позора...
Где каждый ждет прихода ревизора,
И каждый — сам отчасти Хлестаков.

*
**

Сальери равенства хотел,
Чтоб зависть почву потеряла.
Почуя вред оригинала,
Сальери равенства хотел,
Чтоб как в казарме одеяла
Укрыли разность душ и тел,
Сальери равенства хотел
Чтоб зависть почву потеряла!

*
**

К. Кузьминскому.

Я — безнадежный реалист:
Я в каждом свисте слышу свист,
В любом листе я вижу лист...

Всего важней мне — звук и цвет,
За то,
Что их без мысли — нет!

Что — краска в тюбике?
Она
Бессмысленна без полотна.
Где звук струны — там есть струна.
Звук без струны — кость без слона:
Пускай ей высока цена,
Но ведь без самого слона
Ей сила не дана —
Одна
Она
Для боя не годна!
Она не бивень — кость она,
Хотя художнику нужна:
Свистульку сделай — будет свист...
Ах, безнадежный реалист!

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

часть II.

(часть I — см. собр. соч. гр. А. К. Толстого)

*«Ходить бывает склизко
По камушкам иным,
Итак, о том, что близко
Мы лучше помолчим...»*

(А. К. Толстой)

Молчанье без сомненья
Мы можем оценить,
Однако продолженье
Придется сочинить.

На Александре Первом
Поэму оборвав,
Измученные нервы
Берег веселый граф.

Мы ж за него, робяты,
Допишем смеху для —
Пиитами богата
Российская земля!

.....

Масонам мылят шеи,
Хочовет высший свет,
Крестьяне жнут и сеют,
А все — порядку нет!

Решил мосье Рылеев
Порядок навести:
«Россию я жалею,
А Костя — не в чести...

Пускай себе к невесте
В Варшаву катит он,
А мы с тобою, Пестель,
Устроим здесь трезвон!»

Построились отряды
В морозной темноте:
Давно в России надо
Наладить «либерте»!

«Эгалите», конечно,
С ней вместе подавай...
Тут им салют поспешно
Бабахнул Николай.

Потом лет тридцать правил.
А был он — голова:

Во фронт всю Русь поставил
И говорил: «аь-два!»

«Кругом, направо, смирно!...»
Гудело тридцать лет.
Страна была мундирна,
А все порядку нет...

«Порядку вы хотите?» —
Рек Александр Второй, —
Аз есмь освободитель,
Хотя и не герой...»

Покончив с крымской бойней,
Он правил много лет.
Все было бы достойно,
Да вот порядку нет:

Не слишком барабаном
Сей царь будил сынов.
И вдруг — всучил крестьянам
Свободу... без штанов!

Земля дрожит от свиста:
Грядет за бесом бес: *)
Горланят нигилисты,
Министры, анархисты,
Бомбисты, журналисты, —
Кто по дрова, кто — в лес...

Пророки революций,
Ломатели карет!
Уже и бомбы рвутся,
А все порядку нет!

Тут Александер Третий
Настал ему взамен.

*) См. "Бесы" Достоевского.

Был, говорят, он, дети,
Не очень джентельмен:
Огромная папаха,
Лопатой борода,
Хоть нрав совсем не сахар —
Царище — хоть куда!
Но — долго или кратко —
Он помер, и грядет
Последний царь... (порядка,
Майн Готт! — никто не ждет...)
При нем царил Распутин
И началась война:
Россия ведь, по сути —
Веселая страна!
Стал Гришка важной птицей:
То жрет тройной обед,
То щупает царицу —
А все порядку нет!
Воды понамутили,
Понатворили бед,
И Гришку утопили —
А все — порядку нет!
«Попробуем без трона
Порядок навести:
Придумать бы законы,
Отечество спасти!»
Законы — то ли дело!
Но после февраля
Порядком оскудела
Обильная земля.
Явился некто лысый
И говорит: «Пгивет!

Земля беднее крысы,
Порядку ж — вовсе нет!»
Тут чей-то крик: «Робяты,
Даешь, мол Новый свет!
Земля, как есть богата,
Да дельных партий нет!»
А лысый: «Есть такая!»
Промолвил сгоряча,
И навалил, вздыхая
Груз власти на плеча.
Вот это вышел номер:
«Товарищи, пгивет!»
(Ташшил, ташшил, да помер —
А все порядку нет!)
Тут деятелей разных
Явилось до хрена.
С порядком безобразно,
Да и земля бедна:
Один прожженный ватник —
И тот спины на три...
Явись, орел-стервятник,
Порядок водвори!
Порядок Джугашвили,
Как царь Иван, любил,
Он, словно лошадь в мыле
Всю кодлу осадил:
«Чтоб жали и косили —
Я вам порядок дам!»
И сходу пол-России
Отправил в Магадан.
Мужик он был прожженный;
Хоть не роскошно жил —

Из пушек бил по женам
Да с Гитлером дружил.
Есть золотишко в банке
Вперед на много лет,
Есть вместо масла — танки,
(Моторов только нет...)
Адольф узнал об этом
И войско подсобрал,
Чтобы ближайшим летом —
Зиг хайль — и на Урал!
Тут коротко ли, долго —
Дела пошли всерьез:
Одних слизнула Волга,
Других доел мороз.
И всем досталось сильно,
(Сухарик — на обед,)
Зане — земля обильна
От пирровых побед!
Окно в Европу? Что вы!
С о м н о й вам не темно!
И жестяною шторой
Завесил нам окно.
Науке дав движенье,
И тут оставил след:
Сплошные достижения
(Ученых только нет!)
...Сик транзит gloria мунди:
Наследники пришли...
Хлоп — через пару штунде
Скандал по всей земли:
Лаврентий был, конечно,
Не Медичи, но все ж

И мастер дел заплечных
И нравом — Мекки-Нож...

Тут власти захотело
Немало ишаков:
Два года правил целых
Товарищ Маленков.

Он попытался делать
Обертки для конфет...
Земля же оскудела,
Порядку — тоже нет...

Никита толстопузый
Настал ему вослед.
Земля — под кукурузой,
А кукурузы — нет...

Он бодро поднял флаги
Хозяйственных побед —
Порядок на бумаге,
На деле ж нет как нет!

«Ништо, я после культа
Порядок возверну:
Зарядим катапульту,
Поедем на Луну!»

На старте вроде гладко,
Рассчитаны пути,
Но на Луне порядка
Тем паче не найти.

Взялись за землю снова:
Устроили совет,
Уволили Хрущева —
А все порядку нет.

Взялись тут за бумаги
(теперь — не до земли!)

Потом зачем-то в Праге
Порядок навели!
И так уж стало гадко,
Что целых восемь лет
Не только что порядка —
А и самих то нет!
И только удивленно
Гадает вся земля:
Кого — под зад коленом
Сегодня из Кремля?

ПИФАГОРИАДА

(пояс штанетов)

1.

У Пифагора не было штанов.
Имелся только плащ в таких заплатах,
Что представлялось, будто он когда-то
Был просто сшит из этих лоскутков.
Однако же почтенный философ
Гостил нередко у людей богатых,
Хотя копна волос его лохматых
Была для них, как пурпур для быков.
Но чем-то интересен был для них он,
Хотя одни его считали психом,
Другие думали, что он шпион,
А третьи... третьи помышляли даже,
Что на пиру ему возьмут и скажут:
«А, брось науку!» И легко бы он...

2.

А брось науку — и легко бы он
Мог стать секретарем ареопага.

Хоть не в ходу была еще бумага,
Писак имелся добрый батальон.
Конечно, в наши дни их — легион,
Но и тогда нужна была отвага
И локти для решительного шага,
Чтоб как-нибудь преодолеть заслон
Торчащих у корыта славных граждан.
Чем больше выпил — тем сильнее жажда,
Чем путь длиннее — тем сильней разгон.
И наконец бы он благополучно,
Продав друзей попарно и поштучно,
Купил себе и шелковый хитон.

3.

Купил себе и шелковый хитон
И колесницу Ксанф, его приятель,
Тот самый, что на рынке очень кстати
Обрел Эзопа, старый охламон.
Эзоп работал на него как слон,
Раб и к стилу привычный, и к лопате
Писал ему статейки для печати
И шуткой оживлял его салон.
Завидовала Ксанфу вся Европа.
(Есть и получше рифма для Эзопа,
Но избежим в сонете грубых слов!)
Ксанф создал философскую систему —
Ведь раб есть раб, ему лишь дайте тему,
И виллу, и машину... то есть рабов.

4.

И виллу и маши.. то есть рабов
Дарили Ксанфу за обоснованье
Того, что раб — почетнейшее званье,
А уж платить рабам — гневить богов.

Шедевр! Все ясно даже для ослов!
Архонтам же, несведущим в науках
Напоминал о криво сшитых брюках
Хаос прямых и всяческих углов.
Кому-кому, а Ксанфу было ясно,
Что не совсем понятное — опасно,
Что будут век-другой еще нести
Клеймо далекого от жизни вздора
Магические числа Пифагора:
Поденщина всегда была в чести...

5.

Поденщина всегда была! В чести —
Анакреон? Конечно, он прекрасен,
Но звук — есть звук, и в общем, он напрасен:
Ни гвоздь забить, ни в доме подмести!
Что нас еще способно потрясти?
Смысл самых что ни есть острейших басен —
Казалось многим — менее опасен,
Чем острый угол, Феб его прости!
Тот страшен, кто ни выпить, ни пожрать.
Зачем таблички цифрами марасть?
Как бочка Данаид — небес бездонность!
Они от нас пока удалены.
Углы с к л о н е н ь я звезд — кому нужны?
И множеству людей понятна с к л о н н о с т ь .

6.

И множеству людей понятна склонность
К любому «хобби» — просто потому,
Что кажется им, будто бы уму
Действительно опасна утомленность.
Отсюда — в карты пылкая влюбленность,
И в телевизоры и в домино,

И в детективы — нас влечет одно:
Банальнейших сюжетов заостренность.
Но только — чур, чтоб не совсем всерьез,
Чтоб стричь башку, не трогая волос!
И тот, кого пугает погруженность,
Легко отдать и Гамлета он рад,
И то, что $E = MC^2$,
За чечевичную определенность.

7.

За чечевичную определенность
Права когда-то уступил Исав.
А что ему до этих самых прав?
Попробуй, какова на вкус исконность!
Во всем нужна здоровая сезонность:
Вот люди собирают виноград —
На что им, Пифагор, твоя бессонность?
Дай гражданам доступный результат!
Уж ты абстракций лучше не рожай нам,
А предскажи ближайший урожай нам,
Или в Коринф дорогу начерти,
Или украденное пусть найдется...
Поближе к жизни, а нето — придется
Всем философиям сказать «прости».

8.

Всем философиям сказать «прости»
И жить как все, спокойно и свободно.
Три слова только-то: «что вам угодно?»,
Так отчего их не произнести?
Хозяйством немудрящим обрасти
И посещать народные собрания,
И награждать эпитетом «баранья»
Толпу, и так свободу обрести.

Жизнь распланировать по Гесиоду,
Принадлежать к афинскому народу,
Который не уступит никому
Ни в чем и... впрочем, это всем известно:
Сейчас выпендриваться неуместно —
Наверно не один твердил ему!

9.

Наверно не один твердил ему,
Что грош цена ученому, который
Сидит, да из окошка мерит горы,
Чтобы на них не лазить самому.
Нет, вы извольте — на плечо суму,
Да посох в руку, да в карман рулетку...
Не развернув, хотите съесть конфетку!
Все это — дань абстрактному уму!
По двум зубам создать портрет дракона —
Самонадеянно и беспардонно.
Что изобрел — немедленно внедри.
А нечего внедрять — накажут плетью,
Чтобы всегда сидела мысль внутри
О том, как славно быть разменной медью.

10.

О том, как славно быть разменной медью,
Свидетельствует нам Жан Жак Руссо.
Жизнь — палка, вставленная в колесо
Лукаво мудрствующему столетию.
Будь скромненький, удочкой лови, не сетью,
Старайся ладить с разными людьми,
Будь прост, не зазнавайся, не шуми —
Да мало ль что еще могу уметь я!
Но все мы люди — значит все равны,
И с коллективом надобно считаться,

Ничем и никогда не выделяться,
И быть как все. Обрыдли крикуны!
Не то тебе напомнят, может статься,
О том, что лбом не прошибешь стены.

11.

О том, что лбом не прошибешь стены,
Еще до Пифагора люди знали,
Попытки стенобития бывали,
Но, слава Богу, все пресечены.
Давно эксперименты не нужны,
Их результат известен, и едва ли
Дыру, которой мы не ожидали,
Пробить дозволят высшие чины.
Он съездил заседателю по роже
Во имя справедливости. И что же?
Эфор препроводил его в тюрьму.
Ведь по вине аристократа духа
Распухло вдруг у депутата ухо,
Так разве непонятно, почему?

12.

Так разве непонятно, почему
Задумал Пифагор податься в Спарту?
Поддавшись мимолетному азарту
Вдруг каторгу сменил он на тюрьму:
Желая свастикой рассеять тьму,
Спартанские вожди решили к марту
Перекроить Пелопоннеса карту,
Чертежную работу дав ему.
Хоть к вящей доблести своих сынов
Вся Спарта щеголяла без штанов,
Но и такое «равенство» стерпеть я
Не смог бы. И философ мой удрал.

Куда — неважно. Но идет скандал
Два с половиною тысячелетья.

13.

Два с половиною тысячелетья —
А счету нет архонтам и царям!
Чтоб часть из них назвать по именам,
Изрядно должен был бы попотеть я.
Прошла одна война, другая, третья...
Владыки получали по рукам,
Мундиры уступали пиджакам...
Но не могу всех перемен воспеть я.
Все изменилось, протекло насквозь,
А кое-что не поддается моде,
И даже верно для любой страны,
Хоть для такой, что — оторви да брось:
В любое время, при любой погоде
Мир носит пифагоровы штаны!

14.

Мир носит пифагоровы штаны —
И оба полушария не голы!
И чуть не в каждом классе каждой школы
Они для доказательства даны.
(Вот разве женам, чьи мужья верны,
Решенье треугольников тяжелых
Никчемно, как бушменские глаголы,
И не пробудит комплекса вины!)
Однако Планк нашел для кванта меру,
Оскар Нимейер выстроил Канберру,
И даже мир иной для нас не нов:
И камушки с Луны приносит почта...
А это все случилось оттого, что
У Пифагора не было штанов.

15.

У Пифагора не было штанов.
А брось науку — и легко бы он
Купил себе и шелковый хитон,
И виллу и машину... то есть рабов.
Поденщина всегда была в чести,
И множеству людей понятна склонность
За чечевичную определенность
Всем философиям сказать «прости».
Наверно не один твердил ему
О том, как славно быть разменной медью,
О том, что лбом не прошибешь стены...
Так разве непонятно, почему
Два с половиною тысячелетия
Мир носит пифагоровы штаны?

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
В. Вейдле. Предисловие	VI
Ты захотел согреть ладони над костром	XI

I. ОЧУМЕЛОЕ СТОЛЕТИЕ

Памяти Чехословакии	15
Подожди меня... ..	16
Веник триолетов	17
Двоимся на чувство и мысль... ..	19
Сломали дом... ..	21
Фары — глаза столетья... ..	21
Тема и вариация	22
Шейк	23
Усталый сонет	25
Вы верите, что облака... ..	25
Еще один монолог Гамлета	26
Капитан	28
Кто мы?.. ..	29
Мы — из Китежа	30
Посох (венок сонетов)	32

II. СОЛЬ ВАРЯЖСКИХ ВОЛН

Червленые щиты вдоль борта корабля... ..	43
Псков	43
Следы на снегу	44
Как там зимний Новгород?... ..	45

	стр.
Кириллов	47
Остров	48
Таллин	50
Дилижанс	52
В окна мне глядят Юпитер и Париж...	53

III. ПЕТЕРБУРГ — НАВЕКИ

Этот город на мир похож...	67
В безоблачности над гранитной крепостью...	67
Под влажным солнцем осени...	67
Летний сад	68
В небе летнем, старинном...	69
И крылья яхты под дождем...	70
Стеклянный вечер на снегу...	70
Вот так остановиться и смотреть...	71
В асфальтовом небе...	71
ОТ ЯНВАРЯ К ЯНВАРЮ	72
1 Штукарь, растратчик...	72
2 Черные сучья...	73
3 Мой север взбесился...	73
4 Нагроможденье лунных призм...	73
5 Да, все случилось не во сне...	75
6 Я просто в лето на волю...	75
7 Вот и сонный июль...	76
8 Август был самодержавен...	76
9 Осенним дням бросая вызов...	77
10 Нет, не прощает осень скупая...	77
11 (Геометрия туманов)	78
12 Бунтует парк...	79
13 Скупец? Растратчик?..	79
Первомартовцы (отрывки из поэмы)	80
ПЛЯСКИ ИСТОРИИ	86
1 Менуэт	86
2 Мазурка	90
3 Танго	93

IV. ЗЕЛЕНЫЙ ЗРАЧОК

	стр.
Когда случается всерьез...	101
Летающий парус на ходу сворачивая...	101
Замыкание времени	102
Кафе на окраине	104
Гроза над горами...	105
По скорбной дороге к морю...	105
Каспийский романс	106
Вечерами в переполненном трамвае...	107
Колхида	108
Зеленый зрачок	109
Черемуха пахнет дрожью...	110
Гостиница в Печерах	111
Зеленый луч	113

V. ОТКРЫТИЕ ОТКРЫТОГО

Живем! И — вопреки тому...	123
Ars poetica	124
Бетховен в подвале...	125
Камознш	126
Осенняя соната	127
Я вижу музыку порой...	129
Динозавры	130
Немного о донкихотстве	131
Сарафаны	133
Масленица	134
Собака нюхает солнце	135
Разъезд Водопадный...	135
Что там Киев ли, Псков ли...	137
Из варяг в греки — звоните...	138
Костры у моря бесшумно-факельны...	139
Это песнь нетерпения...	140
Уже осенних песен...	140

VI. МЫ ВСЕ ШУТЫ...

	стр.
Песня шута	145
Чужие веку... ..	145
Базары	146
Замок ангела стал музеем... ..	146
ТРОЯНСКИЕ МЕЛОДИИ	147
Опять — сведенных жаждой губ... ..	147
Ахейцы разрушили Троию... ..	147
Кассандра предсказала... ..	149
Ни ахейцы, ни троянцы... ..	149
Inferno	150
Бакинская бухта	152
Хлестаков	153
Сальери равенства хотел... ..	154
Я — безнадежный реалист... ..	154
Русская история от Гостомысла	155
Пифагориада	162

IMPRESSIONS INTERNATIONALES
PARIS

